

★ Предотвращение! Спасение! Помощь! ★

СПАСАТЕЛЬ

**Андрей
Воронин**

**СЕРЫЕ
ВОЛКИ**

Спасатель

Андрей Воронин

Спасатель. Серые волки

«ХАРВЕСТ»

2012

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Спасатель. Серые волки / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2012 — (Спасатель)

ISBN 978-985-18-1499-8

В Москву возвращается беглый олигарх, экс-министр, успешный финансист Валерий Французов. Узнав об этом, свободный журналист, известный блогер Андрей Липский (свои статьи он подписывал псевдонимом Спасатель) спешит взять у него интервью. Смертельно больной Французов прилетел в Россию, чтобы успеть уладить неотложные дела, прежде всего «отдать долги», то есть разобраться со своими бывшими друзьями-мушкетерами, много лет назад совершившими чудовищное преступление. Преступники до сих пор не наказаны; более того, они занимают высокие государственные должности. И Французов считает своим долгом уничтожить их (есть у него для этого и личный мотив. Умиравший экс-министр успел сделать только одно: он посвящает в свою тайну проникшего к нему в больничную палату Спасателя (правда, называет не имена, а аллегорические прозвища преступников) и просит Андрея исполнить его последнюю волю – «отдать долги». Журналист соглашается, хотя отлично понимает, что с этой минуты подвергает и себя, и своих близких смертельной опасности...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-1499-8

© Воронин А. Н., 2012

© ХАРВЕСТ, 2012

Содержание

Часть I. Живой труп	7
Глава I. Возвращение в логово	7
1	7
2	10
3	13
4	15
5	19
6	21
Глава II. Взяткодатель и симулянт	25
1	25
2	27
3	32
4	36
5	39
6	44
Глава III. Палата № 307. Хроники стаи	49
1	49
2	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Воронин
Спасатель. Серые волки

© Подготовка и оформление Харвест, 2012

Часть I. Живой труп

Глава I. Возвращение в логово

1

Склон полого спускался к тихому лесному озеру с чистыми песчаными берегами. Вокруг торжественно и чуточку мрачно молчала в полном безветрии заповедная дубрава. Могучие кряжистые дубы стояли редко, напоминая колонны величественного храма, воздвигнутого исчезнувшей расой великанов-язычников. Под сводами этого храма царил вечный зеленоватый сумрак: раскидистые кроны полностью заслоняли небо, не пропуская солнечный свет и не давая разрастись подлеску. Земля под ногами была покрыта сплошным слоем скользких желудей и сухой прошлогодней листвы, цветом напоминавшей ржавчину. Видимо, мрачное очарование этого места произвело глубокое впечатление на архитектора, в результате чего охотничий домик генерал-полковника Макарова напоминал странную пометь готической часовни и бревенчатой избы лесного колдуна-чернокнижника. Впрочем, вполне возможно, большой вины архитектора тут не было: как известно, кто платит, тот и заказывает музыку, а среди армейских генералов не так уж много знатоков архитектурных стилей.

Описываемое сооружение было обнесено могучим бревенчатым частоколом, поверх которого, устрашающе выставив выбеленные ветром и дождями клыки, красовалось множество кабаньих черепов. Черепа не являлись простой декорацией: здесь, под сенью многовековой дубравы, кабаны водились в великом множестве, и генерал Макаров, равно как и его гости, не жалел боеприпасов, по мере сил сокращая их поголовье. Его загородное поместье занимало почти полсотни гектаров в самом сердце заповедной зоны. Как ему это удалось, история умалчивает. И правильно делает, поскольку жизнеописание его превосходительства, как это частенько бывает с сильными мира сего в наше странное время, могло послужить основой скорее для многотомного уголовного дела, чем для захватывающего приключенческого романа.

Стилизованная под седую старину вывеска над воротами усадьбы представляла собой широкую толстую доску мореного дуба, к которой коваными четырехгранными гвоздями были приколочены массивные бронзовые буквы. Покрытые изумрудной патиной, буквы эти складывались в название: «Волчье Логово». Кое-кто из гостей указывал Макарову на то неприятное обстоятельство, что точно так же называлась расположенная под Винницей ставка Гитлера. В зависимости от личности того, кто это говорил, и своего собственного настроения Василий Андреевич либо отшучивался, либо отмалчивался, либо приводил аргументы типа: «Геринг был толстый, коллекционировал произведения искусства и любил поохотиться, Гиммлер носил очки – и что с того? Да ты и сам приехал сюда на «мерседесе», как какой-нибудь, не к ночи будь помянут, группенфюрер... Дело не в названии, а в сути, а кому не нравится – вон Бог, а вон порог».

Впрочем, эта тема уже давно никем не поднималась. Вывеска с многозначительным названием примелькалась немногочисленным гостям усадьбы, стала привычной; некоторые считали ее проявлением истинно солдафонского упрямства, иные находили, что она свидетельствует о наличии глубоко запрятанной в недрах крепкого генеральского организма романтической жилки. Последнее, пожалуй, отчасти соответствовало действительности, но лишь предельно узкому кругу избранных было доподлинно известно, что на самом деле означает это название.

В данный момент упомянутый круг особо доверенных лиц в полном составе восседал за массивным дубовым столом под соседствующим с баней навесом. Отсюда открывался отличный вид на озерную гладь и синеющий на противоположном берегу сосновый бор. На спокойной воде в сотне метров от берега едва заметно покачивалась небольшая стайка непотопляемых, как пенопластовые поплавки, чаек; две или три кружили в вышине, высматривая оттуда добычу. Из-за угла бани тянуло дымком и вкусным запахом жарящегося на углях мяса – разумеется, кабаньего, всего пару часов назад доставленного егерем. Лето уже наступило, в полдень столбик термометра так и норовил подобраться к тридцатиградусной отметке, но здесь, в тени раскидистых дубов, под крытым замшелой дранкой навесом, было комфортно, как в салоне дорогого лимузина, – не жарко и не холодно, а в самый раз, чтобы расслабиться и получить максимум удовольствия от праздного времяпрепровождения.

Впрочем, для участников посиделок с видом на озеро праздность давным-давно стала понятием относительным. Вскарabкаться на верхушку социальной пирамиды легче, чем на ней удержаться. Этот процесс напоминает бег вверх по движущемуся вниз эскалатору, и, чтобы не потерять с таким трудом завоеванные позиции, резво перебирать ногами приходится даже во сне.

Их было трое – зрелых, крепких, едва перешагнувших полувековой рубеж мужчин в самом расцвете сил. После бани одеты они были в одни только простыни, намотанные на манер римских тог. Сходство с римскими сенаторами не ограничивалось одними простынями; оно легко прослеживалось во властной надменности холеных лиц, позволяющей распознать высокопоставленного чиновника, даже когда при нем нет ни машины с мигалкой, ни портфеля с документами государственной важности, ни каких-либо иных полагающихся по чину регалий. Впрочем, у одного из них регалии все-таки были при себе, ибо относились к той разновидности украшений, которые не оставишь на вешалке в предбаннике.

– Свел бы ты их все-таки, Илья Григорьевич, – сказал этому человеку хозяин, с неодобрительным интересом разглядывая густо покрывающие дрябловатую кожу старого знакомого татуировки. – Страх глядеть, ей-богу! А еще депутат. Сто лет тебя знаю, а все равно, как увижу эти художества, каждый раз вздрагиваю.

– Валерьянку пей, раз такой нервный, – проворчал Илья Григорьевич.

У него было костистое лицо с резкими чертами, лишь отчасти смягченными, сглаженными сытостью и достатком последних десяти – пятнадцати лет. Фамилия его была Беглов; уже третий срок подряд он, не щадя себя, трудился на благо простых россиян в качестве депутата Государственной думы. Упомянутые генералом Макаровым сомнительные художества прямо указывали на то, что депутатские сроки – не единственные, которые Илье Григорьевичу довелось отбывать.

– А генерал-то наш прав, – посасывая из большой стеклянной кружки колючий хлебный квас, поддержал хозяина третий участник посиделок. Он был невысокого роста, располневший, с обширной лысиной, которую старательно и безуспешно маскировал длинной прядью, зачесываемой справа налево. Сейчас эта прядь, намокшая в процессе омовения, косым треугольником пересекала его незагорелый лоб, почти касаясь левой брови. Лицо его напоминало ком непропеченного теста, маленькие бесцветные глазки близоруко щурились, а вялый рот, тоже маленький, будто пересаженный с чужого лица, брезгливо кривился. – С такими украшениями никакого компромата не надо. Один раз показать тебя избирателям в натуральном виде – и конец карьере.

– Что вы привязались? – огрызнулся Беглов. – Свести, свести... Легко сказать – свести! Я, между прочим, свои мозги тоже не на помойке нашел. Думаете, не сообразил изучить вопрос? Свести легко то, что набили в салоне, профессиональной машинкой, специальными красками. А в том салоне, где я обслуживался, пользовались рояльной струной и жженкой. Что такое жженка, знаешь? Жжена резина пополам с мочой. Это, братец ты мой, хрен каким лазером

выведешь. Что мне теперь – целиком с себя шкуру срезать? Да и потом, где гарантия, что, пока я под наркозом буду валяться, какой-нибудь ушлый докторишка мою спину на мобильный не сфотографирует? Выложит в Интернет, и будет ровно то, чем ты, – обратился он персонально к близорукому, – меня страшашь: появление перед электоратом в натуральном виде. Не заголяться в общественных местах – оно, знаешь, и дешевле, и проще.

– Да ладно, распетушился, – сказал близорукий. – Остынь, слуга народа!

«Слуга народа» стиснул челюсти так, что хрустнули зубные протезы. Со времени его последней отсидки прошло уже полтора десятка лет, но есть привычки, расстаться с которыми так же сложно, как с тюремными татуировками. На некоторые слова и выражения он до сих пор реагировал весьма болезненно и, с точки зрения простого, законопослушного гражданина Российской Федерации, незнакомого с тонкостями лагерного этикета, неадекватно. В данном конкретном случае ситуация усугублялась тем, что собеседник, допустивший в отношении Ильи Григорьевича оскорбительное сравнение с петухом, по долгу службы знал упомянутые тонкости назубок и, следовательно, дразнил Беглова намеренно, проверяя его нервную систему на прочность. «Хрен тебе, гнида прокурорская!» – подумал Илья Григорьевич и молча хлопнул стопку ледяной водки, закусив шашлычком из кабанины. Для его искусственных зубов мясо было жестковато, но здесь собралась не та компания, чтобы качать права по мелочам. Да и потом, кабан – он и есть кабан. При его образе жизни мясо просто не может быть нежным; оно, как и медвежатина, – пища настоящих мужчин, к числу которых Илья Григорьевич с детства привык автоматически причислять себя.

Генерал Макаров последовал его примеру, налив стопку до краев и осушив ее одним махом. Пощелкав пальцами над блюдом с шашлыками, выбрал кусочек посочнее, присовокупил веточку петрушки, сунул за щеку и аппетитно захрустел.

– К шашлыкам полагается кинза, – стыдливо поправляя на пухлой груди съехавшую простыню, сообщил близорукий.

– Так то к бараньим, – с набитым ртом невнятно возразил генерал. – Эх, ты, знаток! И потом, терпеть не могу эту вонючую гадость. Ты знаешь, что второе название кинзы – клоповник? А за бугром ее называют кориандром, от латинского «корис», что в переводе означает «клоп». А почему? А потому, что клопами смердит... Эх ты тютя! Генеральный прокурор должен быть культурным человеком, а тебе простые вещи невдомек.

– Точно, – с удовольствием поддакнул депутат Беглов, наливая себе еще стопочку.

– Я не генеральный, – поправил собутыльников близорукий, – а всего-навсего заместитель. И даже не первый.

– Потому и не первый, что темный, – объяснил генерал. – Какие твои годы! Учись, расширяй кругозор – глядишь, и до генерального дорастешь. Генеральный прокурор России Владимир Николаевич Винников – звучит?

Винников криво, нерадостно улыбнулся непропорционально маленьким ртом и приложился к кружке с квасом, проигнорировав придвинутую Бегловым стопку водки.

– Что-то ты, Николаевич, нынче кислый, – вскользь заметил генерал Макаров. – Не пьешь, не ешь, рожу кривишь... Что, Володенька, невесел, буйну голову повесил?

– Зато вы, как я погляжу, всем довольны, – сказал заместитель генерального прокурора. – Знаете, как называется это наше застолье? Пир во время чумы!

– Ну что за человек? – обратился хозяин к Беглову. – Вечно у него все не слава богу!

– Дать бы ему в табло, – поддержал его депутат, – да нельзя – засудит, крючкотвор. А между прочим, сам все это затеял. Надо, говорит, собраться, сто лет не виделись...

– Да, – сказал генерал, – так и было. Оторвал от дел, организовал, понимаешь, выходной посреди недели, и сам же норовит всю обедню испортить. Не человек – ходячий феномен! Сидит, почитай, в чем мать родила, а все равно с камнем за пазухой. И как это у него получается?

– Работа такая, – тоном, в котором явственно слышались отголоски природной неприязни бывалого сидельца к стороне государственного обвинения, пояснил Беглов, – без подлянки никуда.

– Ну-ну, – кислым тоном произнес Винников, – веселитесь. Посмотрим, что вы запоете, когда узнаете то, что знаю я.

– И что же это? – воздержавшись от предположений, довольно благодушно поинтересовался Макаров.

– Француз возвращается, – без дальнейших проволочек сообщил Владимир Николаевич и откинулся на спинку дубовой скамьи, мрачно наслаждаясь наступившей после этого сообщения немой сценой.

2

Любопытное солнце, выставив рыжую голову из-за соседнего высотного здания, заглянуло в квартиру, расчертив пол и стены длинными косыми тенями. Лиза пошевелилась, и, повернув голову, Андрей увидел, что она смотрит на настенные электрические часы. Он сейчас же услышал их размеренное тиканье; привычное настолько, что уже не воспринималось сознанием, сейчас оно звучало назойливо, раздражающе, как записанный на пленку голос в телефонной трубке, напоминающий о необходимости своевременно оплатить накопившиеся счета.

Предчувствие его не обмануло, и раньше, чем Андрей успел сообразить, откуда растут ноги у данной ассоциации, Лиза одним движением села на кровати. Еще одно движение – и плавный изгиб ее обнаженной спины скрылся под складками шелковой ткани.

– Что такое? – не скрывая разочарования, спросил Андрей. Он знал, что такое, потому что, как и Лиза, прекрасно видел часы на стене и даже умел узнавать по ним время.

– Не валяй дурака, – сказала Лиза и поднялась, запахивая халат. – Уже половина четвертого, Женька вот-вот вернется.

Андрей тяжело, длинно вздохнул.

– Сто пятьдесят квадратных метров, – капризно произнес он, – два этажа, шесть комнат, гуляй – не хочу! Парню семнадцатый год, и неужели ты всерьез думаешь, что он не догадывается, чем мы тут занимаемся в его отсутствие?

– Может, и не догадался бы, если бы ты пореже на это намекал, – расчесывая перед зеркалом волосы, заметила Лиза.

– Да, я такой, – самодовольным тоном отпетого негодяя сообщил Андрей. – Целиком состою из грязных намеков и инсинуаций, преследующих определенные цели – тоже, разумеется, грязные. И коль скоро эти цели уже, можно сказать, достигнуты, коль скоро все всё понимают и обо всем догадываются, может, мы, наконец, перестанем прятаться?

– Тебе просто лень вставать, – сказала Лиза.

– Не надо валить с больной головы на здоровую, – потягиваясь, возразил Андрей. – Это не я, это твой сын лентяй и лоботряс. Посмотри, какая погода! Лето на дворе, солнышко светит – живи и радуйся! Гоняй в футбол, ухаживай за девушками, загоравай, купайся... Так нет же, ему необходимо круглые сутки торчать дома за компьютером, мешая родной матери налаживать личную жизнь!

– Ты прекрасно знаешь, что он всерьез увлечен программированием, – напомнила Лиза.

– Как бы не так! Матерям свойственно заблуждаться по поводу своих любимых чад. Если он там что-нибудь и изучает, то уж никак не программирование. Фотографии голых тетенок в Интернете – вот истинный предмет его изучения!

– Липский, – с угрозой произнесла Лиза, – вытряхивайся из постели! Иначе я вытряхну тебя сама и выставлю за дверь без штанов.

– Чтобы меня изучали посторонние тетеньки? – озадаченно уточнил Андрей. – Над этим стоит подумать. Среди тетенок порой встречаются довольно симпатичные экземпляры. Причем не только на фотографиях в Сети, но и, как выражается столь обожаемый тобой двоечник, в реале.

– Липский!..

– Ну еще пять минуточек! – взмолился Андрей.

– Не канючь. Я иду ставить кофе. И если через пять минут не будешь одет, вылью его тебе на голову.

– На голову нельзя, я ею работаю, – объявил он.

– Не надо себе льстить, – надменно посоветовала Лиза и удалилась, шлепая тапочками без задников.

Спорить стало не с кем. Спать тоже не хотелось, и лежащая забастовка свободного журналиста Липского автоматически потеряла смысл: чего, в самом деле, он не видел среди бела дня в пустой кровати? Андрей сел, опустив на пол босые ноги, и потянулся за трусами, испытывая при этом странное чувство неудовлетворенности, которое казалось беспричинным. Все было хорошо и даже чудесно и в то же время как-то не так – не так, как хотелось бы, не так, как должно было быть. С Лизой все складывалось прекрасно, но не так, и Женька в последнее время поглядывал на него как-то косо, будто ожидал подвоха, и планы открыть собственный журнал так и остались планами – не в силу финансовых или административных препятствий, а из-за внезапно навалившейся на Андрея апатии.

«И тут ты стал, не сделав шаг; открытый путь страшнее был, чем лютый враг...» Мечты должны оставаться мечтами, сказал какой-то умный человек; очутившись в шаге от цели, журналист и блогер Андрей Липский неожиданно с полной ясностью осознал, что его мечта о по-настоящему свободной, независимой журналистике неосуществима. Это была чистой воды утопия. Не то чтобы он не знал этого раньше; знал, конечно же, знал, но закрывал на это глаза, подбадривая и утешая себя рассуждениями типа: «Вы сначала дайте мне журнал, а смогу я сделать его независимым или нет – это, господа, время покажет». Рассуждать подобным образом, не имея денег, было легко и приятно – точно так же, как легко и приятно было Архимеду хвастаться, что перевернет Землю, заведомо зная, что необходимый для этого рычаг ему никто не даст.

Теперь деньги, этот незыблемый фундамент любой независимости, у Андрея были, оставалось только возвести стены и соорудить крышу. Вот то-то и оно – крышу... Может, где-то все иначе, но в России даже самый прочный фундамент и самые крепкие стены ни черта не стоят без хорошей крыши. А там, где появляется крыша, говорить о независимости уже не приходится.

Стоя перед огромным, во всю стену, окном и застегивая пуговицы на манжетах, он рассеянно любовался открывающейся с двадцатого этажа панорамой Москвы. Женька Соколкин исполнил свою мечту, купив для матери эту шикарную квартиру в элитном небоскребе. Ему оставалось только позавидовать: его мечта была осуществима. А независимость – просто миф; человек, будь он хоть трижды свободный и талантливый, всегда от чего-то зависит – как минимум, от законов природы.

– Ответь, пожалуйста, на один вопрос, – обратился он к Лизе поверх чашки кофе. Это было три минуты спустя в просторной комнате, по распространившейся в последние десятилетия моде объединившей в себе столовую и кухню. – Скажи, если я в установленном российским законодательством порядке сведу тебя в ЗАГС, смогу я тогда проводить с тобой столько времени, сколько захочу?

– Не сможешь, – ответила она. – Потому что тогда ты будешь обязан проводить со мной не столько времени, сколько хочется тебе, а столько, сколько у тебя его есть. А это что, предложение?

– Предположим, да.

– То есть все-таки не предложение, а предположение, – сказала Лиза, улыбаясь, что не помешало Андрею мысленно обозвать себя кретином, – которое, как я понимаю, нуждается в проверке.

Лиза посмотрела на часы, в очередной раз напомнив, что жизнь развивается как-то не так – не в соответствии с разработанным планом или хотя бы пожеланиями трудящихся, а сама по себе, как ей заблагорассудится.

В машине по дороге домой он включил радио, поискал на музыкальных волнах что-нибудь этакое, под настроение, не нашел ничего подходящего и остановил свой выбор на выпуске новостей. Будучи опытным журналистом, матерым блогером и неглупым человеком, он давно не воспринимал такие выпуски как источник информации – для него они были сродни юмористическому развлекательному шоу с элементами викторины. Последние заключались в попытках угадать, кем оплачена и под чью диктовку написана та или иная новость. Иногда это удавалось, иногда нет; успехи Андрея не радовали, а неудачи не огорчали, поскольку все его выводы были писаны вилами по воде и сплошь и рядом не поддавались проверке.

– ... Не лишним напомнить, что генеральной прокуратурой России в отношении Валерия Французова было возбуждено уголовное дело. Против него выдвинуто обвинение в сокрытии доходов и уклонении от уплаты налогов в особо крупных размерах. До недавнего времени местонахождение подозреваемого оставалось неизвестным, однако на протяжении последних суток некоторые западные интернет-ресурсы усиленно муссируют слух о якобы запланированном Французовым возвращении на родину, – тараторил диктор.

– Совсем обалдели, – пробормотал Андрей, имея в виду зарубежных коллег. – Он что, по-вашему, окончательно выжил из ума?

– ... По мнению экспертов, представляется сомнительным, – поспешил реабилитироваться диктор. – Генеральная прокуратура пока воздерживается от комментариев по поводу возможного возвращения Валерия Французова в Россию, однако сам факт того, что Французов на протяжении довольно продолжительного периода времени находится в федеральном розыске, заставляет усомниться в серьезности озвученных некоторыми частными новостными агентствами намерений. Впрочем, существует и иное мнение; отдельные источники склонны считать, что дыма без огня не бывает...

– Да бывает, бывает, – выключив радио, сказал диктору Андрей. – Тебе ли этого не знать?

Миновав забитую транспортом развязку, движение на которой балансировало на грани пробки, он под влиянием внезапного порыва переменял решение и погнал машину не к ресторану, где планировал пообедать, а домой. Разнузданная чушь, которую несли в новостях, как обычно, вызвала чувство глухого протеста, которое, в свою очередь, всегда порождало у него желание поскорее сесть за работу. Как и многие его коллеги, Андрей Липский посвятил какое-то время безуспешным попыткам отыскать затерявшийся где-то за воротами пассажирского терминала одного из столичных аэропортов след беглого мультимиллионера Французова. Полная туманных намеков и ничем не подтверждаемых предположений болтовня по радио пробудила уснувшее любопытство. В ней содержалось по крайней мере одно рациональное зерно, а именно ссылка на зарубежные интернет-ресурсы и частные новостные агентства. На многое Андрей не рассчитывал, но те, кто поспешил на весь свет раструбить о будто бы вынашиваемых Французовым планах возвращения, должны были знать – или, как минимум, думать, что знают, – где он находится.

Нехитрый план предстоящих действий сложился сам собой; старая английская поговорка о кошке, погубленной собственным любопытством, Андрею на этот раз не вспомнилась, и, направляясь от припаркованной во дворе машины к своему подъезду, он уже почти бежал.

3

За толстым стеклом иллюминатора виднелось неправдоподобно яркое и чистое, какое редко увидишь с земли, голубое небо. Под крылом, слепя глаза перевозданной белизной, лежала сплошная пелена облаков, сверху похожая на чуть всхолмленную снежную равнину. Рев турбин проникал в салон трансконтинентального аэробуса в виде едва слышного ровного гула, создающего мирный, убаюкивающий звуковой фон. В салоне бизнес-класса демонстрировался недавно вышедший в прокат голливудский фильм. Стюардесса в очередной раз разнесла напитки, обратив внимание на то, что пассажир в среднем ряду по-прежнему спит. Он уснул, как только самолет оторвался от взлетной полосы аэропорта Буэнос-Айреса и пассажирам разрешили расстегнуть привязные ремни, и до сих пор, насколько могла судить стюардесса, ни разу не открыл глаз и даже не переменял позу.

Пассажир относился к тому типу мужчин, что нравились миловидной стюардессе: не молодой и не старей, на глаз лет пятидесяти или около того, сухопарый, спортивного телосложения, хорошо одетый и ухоженный, но при этом не холеный. Грань между ухоженностью и холеностью тонка и трудноуловима, но она существует, и стюардесса давно научилась ее распознавать. Человек, сидевший в крайнем справа кресле среднего ряда, следил за своим внешним видом, поддерживая тело в чистоте, порядке и спортивной форме, но явно не стремился выглядеть как картинка из модного журнала. Он напоминал дорогой автомобиль, который любят, ценят, регулярно чинят и моют, но при этом так же регулярно используют по прямому назначению, гоняя на большие расстояния и на предельных скоростях, для которых он и предназначен. Он был смуглый, а может быть, просто загорелый, с правильными, твердыми чертами лица, которое обрамляли длинные, прямые, густотой напоминающие парик иссиня-черные волосы с низкой прямой челкой. На взгляд молоденькой стюардессы, его немного портили длинные, с закрученными кверху а-ля Сальвадор Дали кончиками усы и тронутая сединой острая эспаньолка, но они же придавали пассажиру ярко выраженную индивидуальность, выделяя его из толпы и намекая на независимость взглядов и прохладное, чуть свысока, отношение к тому, что принято называть общественным мнением. Одет он был в песочного цвета летний костюм; в вырезе рубашки виднелся шелковый шейный платок, на переносице, съехав к кончику носа и чуть сбившись на сторону, сидели большие солнцезащитные очки без оправы. Колец, перстней и каких-либо иных украшений он не носил, но его левое запястье отягощал золотой «ролекс», да и костюмчик, насколько могла судить стюардесса, стоил, как слегка подержанный «мерседес».

(Помимо мужчин, стюардесса живо интересовалась автомобилями – видимо, потому, что до сих пор не имела своего, – и неплохо в них разбиралась, с первого взгляда безошибочно отличая «сааб» от «сабербана» и «исудзу» от «дайхатсу», потому-то и сравнения, приходившие в ее аккуратную головку, как правило, были связаны именно с автомобилями.)

Съехавшие очки, если изловчиться и посмотреть поверх них, позволяли видеть, что глаза пассажира закрыты. На какое-то мгновение стюардессе почудилось, что столь продолжительная неподвижность приглянувшегося ей respectable господина с артистической наружностью вызвана причинами более серьезными, глубокими и неприятными, чем обыкновенный сон; говоря без экивоков, она вдруг преисполнилась уверенности, что пассажир либо уже умер, либо весьма к этому близок. Она совсем уже было собралась потрепать спящего по плечу, рискуя вызвать его недовольство, но тут заметила, что его грудь медленно, размеренно вздымается под пушистым бежевым пледом. Пассажир был в полном порядке, он просто спал, и стюардесса двинулась дальше по проходу, недоумевая, что это на нее нашло – мало, что ли, она на своем веку увидалась уснувших пассажиров?

Пассажир действительно спал. Ему снилась затерявшаяся среди заснеженных полей и перелесков, по самые окна утонувшая в глубоких сугробах деревушка в полтора десятка дворов, дремлющая под низко надвинутыми снеговыми шапками. Черные от старости бревенчатые стены, покосившиеся шербатые заборы, корявые разлапистые яблони в садах, воздевшие к низкому небу скрюченные пальцы голых ветвей, утоптанная, скользкая от пролитой и замерзшей воды тропинка, ведущая к колодцу, – памятные с детства места, медленно старившиеся и приходившие в упадок и запустение, пока он, стиснув зубы, карабкался вверх по лестнице, ведущей вниз. Во сне над деревушкой сгущались короткие, синие зимние сумерки; в домах загорались редкие желтовато-оранжевые огоньки, кое-где из полуразвалившихся печных труб столбами поднимались к темнеющему небу белые дымы. К ночи мороз усилился, снег на разные голоса скрипел и визжал под ногами. Как это всегда бывает во сне, человек не ощущал своего тела, не чуял под собой ног, но отчетливо слышал пронзительное поскрипывание ледяных кристаллов, сопровождавшее каждый его шаг.

Он шел единственной здешней улицей, на которой знакомые до боли приметы пребывали в причудливом соседстве с фантастическими, нереальными деталями, затесавшимися сюда из других снов и воспоминаний о местах, в которых ему довелось побывать, а может быть, и из каких-то других, прошлых его воплощений. Глубокие, бугристые, уже припорошенные свежим снегом колеи, проложенные прошедшим здесь несколько дней назад трактором, плавно изгибаясь, вели его к деревенской околице, ко второму с краю дому, который издавдалека манил его единственным тускло освещенным окошком. Отсветы слабой электрической лампочки ложились на высокий горбатый сугроб под окном, похоронивший под собой завалинку, высокое крыльцо с точеными балясинами совсем покосилось, резные зубчики и завитушки оконных наличников местами обломились, трещины в стеклах были заклеены пожелтевшими бумажными полосками. Дом был точь-в-точь такой, каким запомнился во время последнего посещения; он сулил тепло и уют, но гнетущее чувство тревоги, незаметно возникнув, усиливалось с каждым шагом.

И он не удивился, когда в каком-нибудь десятке метров от дома, взявшись словно бы ниоткуда, дороге ему заступили три темные человеческие фигуры. Большие воротники овчинных тулупов были подняты, из-за чего фигуры казались хищно сгорбленными, под низко надвинутыми шапками призрачно белели смутные, лишенные деталей, будто смазанные пятна лиц. В темноте разгорались и гасли красноватые огоньки, и почему-то казалось, что это не тлеющие кончики сигарет, а отливающие хищным кровавым блеском глаза.

И стоило только ему об этом подумать, как в полном соответствии с путаными законами сна произошло мгновенное жуткое преображение. Темнота никуда не делась, но лица стоящих напротив вдруг стали видны во всех деталях, и оказалось, что это не лица, а жуткие косматые морды волков-оборотней с горящими голодным багровым огнем глазами. Слюнявые пасти скалились, выставляя напоказ огромные желтые клыки, дыхание вырывалось из глоток клубами густого зловонного пара.

- Уэлкам хоум, май дарлинг, – сиплым нечеловеческим голосом пролаял один из них.
- Заждались, – по-русски поддакнул второй и грязно, витиевато выругался матом.

А третий, ничего не говоря, вдруг опустился на четвереньки и прыгнул снизу вверх, на лету выворачивая шею так, чтобы огромные клыкастые челюсти сомкнулись на глотке жертвы. Могучий выброс адреналина буквально вышиб его из сна, как охранник пользующегося сомнительной репутацией ночного бара вышибает за дверь буйного гуляку. Он открыл глаза и заморгал, силясь понять, чего хочет склонившаяся над ним стюардесса.

Та повторила вопрос. Язык, поначалу показавшийся абсолютно незнакомым, на поверку оказался самым обыкновенным и притом довольно чистым английским – стюардесса интересовалась, все ли с ним в порядке. Он заверил, что все просто превосходно, и спросил:

- Где мы?

– Через час посадка, – ответила стюардесса, предоставив ему самостоятельно определить местоположение лайнера на основании данных о направлении и скорости полета. – Желаете что-нибудь выпить?

Он в рот не брал спиртного уже четвертый год подряд, но сейчас ему даже в голову не пришло отказаться.

– Русской водки, если вас не затруднит, – ответил он. – И принесите сразу две порции, чтобы лишний раз не бегать.

Судя по направлению развития событий, настало самое время в очередной раз поменять привычки, и он пожалел, что не сообразил перед вылетом купить сигарет.

4

– Как так – возвращается? – явно не поверив своим ушам, переспросил генерал Макаров.

– Он что, белены объелся? – подхватил депутат Государственной думы Беглов. – Ему в Россию ход заказан, и он это прекрасно знает.

Генерал схватил стопку, от которой минуту назад отказался Винников, и одним резким движением выплеснул ее содержимое в себя.

– Если хотите знать мое мнение, – сказал он, шумно подышав носом, – ему здесь делать нечего.

– Вот-вот, – поддакнул Беглов. – Не было печали – черти накачали!

Прокурор Винников сидел, откинувшись на спинку скамьи, и с каким-то нездоровым, болезненным интересом наблюдал за их откровенно рефлекторными, не имеющими ничего общего с логикой и здравым смыслом телодвижениями. Их поведение сейчас напоминало поведение человека, только что со всей дури гвозданувшего себя молотком по пальцу, – беспорядочная беготня, оглушительный матерный рев и сокрушительные удары, наносимые по чему попало тремя уцелевшими конечностями (наносимые, как правило, до тех пор, пока количество этих самых конечностей не сократится до двух, а то и до одной). Владимир Николаевич уже прошел эту стадию несколько часов назад, успел оправиться, прийти в себя и мало-мальски собраться с мыслями и теперь, наблюдая за конвульсивными корчами собеседников, испытывал что-то вроде мрачного удовлетворения – как, впрочем, и всегда, когда кому-то поблизости было хуже, чем ему.

Налетевший со стороны озера легкий ветерок игриво задрал обернутую вокруг прокурорского торса простыню, обнажив бедро. Нога у Владимира Николаевича была короткая, белая, пухлая, с маленькой ступней и заметной жировой подушечкой с внутренней стороны колена; почти лишенная волосяного покрова, она напоминала ногу некрасивой, рано располневшей женщины. Это сравнение не раз приходило на ум не только окружающим, но и самому Владимиру Николаевичу, и, заметив мелкий беспорядок в своем туалете, он поспешил его устранить, торопливо, по-женски одернув простыню. Несмотря на владевшее депутатом Бегловым крайне неприятное волнение, это вороватое движение не укрылось от его взгляда, и он брезгливо, пренебрежительно дернул щекой, далеко не впервые подумав, что в тюрьме, если что, господину прокурору придется ох как несладко. А впрочем, может выйти и наоборот: вдруг да понравится? Кто его, крючкотвора, знает на самом-то деле? Вон он какой, дородный да мягкий, как баба, – сразу видно, что женских гормонов в его организме куда больше положенной нормы. Одно слово – ошибка природы, как и любой из этих гамадрилов...

Ощущение своего мужского превосходства над старым товарищем по юношеским проказам вернуло Илье Григорьевичу утраченное было душевное равновесие, направив его мысли в конструктивное русло.

– Это точно? – спросил он.

– Не веришь – проверь, – обиженно надул пухлый детский ротик Винников.

– Да верю я, верю, – отмахнулся Беглов. – Просто в голове не укладывается. Как же он решился?

– По имеющимся оперативным данным, у него умерла тетка, – мгновенно преисполнившись важности, бархатистым, хорошо поставленным голосом преуспевающего чиновника изрек Винников. – Одинокая старуха, жила в какой-то Богом забытой, вымирающей деревушке – четыре калеки на пятнадцать дворов, вот и весь населенный пункт. В общем, хоронить некому, удивительно еще, что кто-то ухитрился ему сообщить, – видно, был у них предусмотрен какой-то резервный канал связи... Подпольщики, мать их, партизаны, лесные братья! До сих пор пор небось нет-нет да и пустят какой-нибудь поезд под откос...

– А, – успокаиваясь прямо на глазах, вмешался в разговор генерал Макаров, – так это же совсем другое дело! Приедет, похоронит тетку, как по христианскому обычаю полагается, и отвалит обратно в свою Бразилию или где он там окопался...

– В Аргентину, – жуя веточку петрушки, рассеянно поправил Беглов.

– Прямо как нацистский преступник, – хмыкнул генерал. – Но ты посмотри, какая сентиментальная сволочь! Через полмира лететь не поленился, денег не пожалел, на риск пошел... Да и черт с ним! Ты-то чего всполошился? – обратился он к Винникову. – Сам колени обмочил, нас, грешных, на уши поставил... Ты что, думаешь, он после похорон права качать кинется, справедливость восстанавливать?

– Это вряд ли, – сказал прокурор. – Не дурак же он, в самом-то деле... Но есть одна маленькая закавыка. Все верно, едет он инкогнито, по подложным документам. То есть это он планировал приехать инкогнито, но, видимо, где-то произошла утечка, информация попала в Интернет, и теперь об этом, наверное, уже по всем каналам звонят. Как же, событие – Французов возвращается!

– И?... – подавшись вперед, напряженно спросил сметливый, как все серьезные уголовники, Беглов.

– Вот тебе и «и». Его приезд – секрет Полишинеля...

– Кого в шинели?

– Ни для кого не секрет, – после короткой паузы, понадобившейся, чтобы справиться с раздражением и проглотить готовую сорваться с губ язвительную реплику, перевел Винников. – Во всех аэропортах, на всех вокзалах уже дежурят оперативники в штатском, его фотографии розданы каждому патрульному менту, он значится во всех ориентировках... Его примут сразу же, как только он сойдет по трапу, и повезут напрямиком на Лубянку, потому что финансовыми преступлениями такого масштаба занимается ФСБ.

– А там колоть умеют, – с видом знатока закончил за него Беглов. – Расскажет все – даже то, о чем не спросят. А нам это, по ходу, не в жилу.

– Этого нельзя допустить, – спустившись наконец с высот своего неуязвимо сытого генерал-полковничьего благодушия, сквозь зубы произнес Василий Андреевич.

– Ха! – с горечью воскликнул Винников. – Не допустить... Как?!

– Ты прокуратура, тебе и карты в руки, – мгновенно нашел крайнего его превосходительство.

– Смотрите, какой умный! – вяло огрызнулся Винников. – Не получится, дружок. Обвинение против него шито белыми нитками, и шил его не папа римский, а ваш покорный слуга. Я тогда прошел по самому краешку, и теперь привлекать к своей персоне внимание руководства мне, извините, не резон – того и гляди, вместо него меня самого начнут колоть. В любом случае это невозможно. Ордер подписан самим генеральным, старик прямо на месте усидеть не может – подпрыгивает, ручонки потирает, ждет не дождется, когда можно будет доложить на самый верх о раскрытии крупного коррупционного дела... Его приказ я отменить не могу, возражений моих он слушать не станет, даже если бы меня вдруг повело ему их высказывать... А я их высказывать даже не подумую. Слуга покорный! Говорю же – спалюсь мгновенно...

– Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет, – проворчал Макаров. – Ни в чем ты, Вовчик, меры не знаешь. Эка наворотил – сам генеральный заинтересовался!

– Ну, знаешь! – расвирипел Винников. – Может, тебе напомнить, чья это была идея – выжить его из страны раз и навсегда, чтобы духу его здесь больше не было? Спустить на него всех собак, чтобы он ни на секундочку не задумался, прежде чем податься в бега, – чьи, скажи на милость, это слова, чье это было горячее пожелание? И вообще, чья бы корова мычала... Забыл, с чего все это началось? Топор забыл? А в чьей руке он был, тебе напомнить?

– Ты говори, да не заговаривайся, – грозно набычился Василий Андреевич. – Топор... Топор – вон он, около поленницы стоит. Махну разок по старой памяти и в озеро, рыб кормить. Чтоб лишнего не болтал, памятливым... Делать-то нам теперь что? – как-то разом остыв, упавшим голосом спросил он.

– А я почему знаю? – пожал жирными плечами Винников. – Я точно ничего не могу. С таким же успехом ты можешь попробовать действовать по линии своего генштаба – например, приказать сбить его борт на подлете.

– Знать бы, какой борт, – буркнул генерал, – можно было бы попробовать – ну там ошибочный запуск какой-нибудь или ракета, скажем, заблудилась... Да нет, – перебил он себя, – что за бред, в самом деле!

– То-то, что бред, – вздохнул Беглов. – Толку от вас, умников... Ладно, хватит уже мозгами скрипеть. Сам все сделаю, не привыкать. А вы, если что, на подхвате. Ну, как в молодости, помните?

– Помним, помним, – проворчал Макаров. – И рады бы забыть, да что-то не получается.

– Факт, – подтвердил Винников. – К чему приводят твои самостоятельные действия, мы помним во всех подробностях. Такое, знаешь ли, не забывается. Поэтому хотелось бы знать заранее, что именно ты задумал. Чтобы, так сказать, заблаговременно приготовиться к последствиям.

– Подумаешь, – фыркнул Беглов. – Кто старое помянет... Хотя, если уж вы решили устроить вечер воспоминаний, могу напомнить, что я в свое время предлагал решить проблему конкретно, раз и навсегда. Я ведь еще тогда вам говорил: валить его надо, валить! А вы мне что ответили? Струсили, обгадились, за карьерки свои испугались, чинуши... Дело-то было простое, за штуку зелени пацаны бы его в два счета дерновым одеяльцем накрыли. А теперь что?.. Это как со здоровьем: запустил пустяковую болячку – копи бабки на серьезную операцию и моли Бога, чтоб поздно не было. Предупреждал ведь: вспомните еще мои слова, пожалеете! Вот они, ваши цивилизованные методы – жрите, не обляпайтесь!

Дотянувшись до бутылки, он налил себе водки так энергично, что на столе образовалась резко пахнувшая лужица. Винников машинально накрыл ее салфеткой, которая мгновенно намочила, и сказал:

– Хватит разоряться, тут тебе не Дума. Валить его мы уже пробовали. Забыл?

Илья Григорьевич пожал плечами.

– Ну, было дело, вывернулся. Скользкий, гад! Ничего, на этот раз не вывернется.

– И что конкретно ты предлагаешь?

– Резать к чертовой матери, не дожидаясь перитонитов! – блеснул знанием классики советского кинематографа Беглов.

Он выпил залпом, бросил в рот кусок шашлыка и недовольно скривился: за разговором мясо успело остыть.

– Это понятно, – терпеливо сказал Винников. – Меня интересует техническая сторона дела. Такая операция требует тщательной подготовки, а времени у нас кот наплакал. Возможно, его вообще нет. А рубить сплеча, как ты любишь, в данном случае нельзя.

– Техническая сторона дела... – жуя, передразнил Беглов. – Меньше знаешь – крепче спишь, слышал такую народную мудрость? Какая тут может быть техническая сторона? Грох-

нуть его в аэропорту нереально, для этого нужно знать точное место и время прибытия. Значит, придется ему поменять обувь прямо на Лубянке. Там ведь тоже люди работают. Самые обыкновенные люди, хотя по ним и не скажешь. А людям присущи маленькие слабости, которыми другие люди – те, что поумнее, – могут время от времени пользоваться.

– Вот это речь не мальчика, но мужа, – с некоторым удивлением похвалил Винников. – Взрослеешь, Илья Григорьевич!

– Да пошел ты, – отмахнулся от сомнительного комплимента депутат. Снова завладев бутылкой, он налил водки сначала генералу, потом себе. – Пить будешь, трезвенник? – спросил он у прокурора.

– Уговорил, наливай, – сказал Владимир Николаевич и зябко передернул плечами. – Что-то стало холодать...

– Не пора ли нам поддать? – с энтузиазмом подхватил генерал Макаров.

Он заметно повеселел, оживился, и, наблюдая это оживление, Винников подумал, что люди, в сущности, не меняются. Они стареют, приобретают одни знания и навыки, теряют другие, меняют адреса, жен, друзей, примеряют разные маски, но внутри каждого из них, как сердцевина внутри дерева, живет ничуть не изменившийся мальчишка или девчонка. Беглов – или, как его звали во дворе, Бегунок – с детства был заводилой, а Кота (Кот – это потому что Васька) сама природа назначила на роль вечного второго номера, бесхребетного подпевалы, постоянно норовящего переложить груз ответственности на чужие плечи. И оставалось только удивляться, как этот вальяжный слизняк дослужился до звания генерал-полковника и получил ответственную должность в Генштабе. А впрочем, что тут удивительного? Именно такие и пролазят на самый верх, потому что от природы умеют не наживать врагов и правильно выбирать зад, который надобно вовремя лизнуть. И продвигают их именно потому, что, не принося видимой пользы, вреда они тоже не наносят. Ну генерал, ну при должности... Одним генералом больше, одним меньше – такой державе, как Россия, это безразлично. А что до должности, так на его месте с таким же успехом мог бы сидеть кто угодно или вообще никто – на обороноспособность страны это бы никоим образом не повлияло.

Ни с того ни с сего поднявшийся ветер понемногу крепчал. Он морщил озерную гладь и путался в кронах дубов, заставляя их глухо шелестеть. По замшелой крыше навеса то и дело с мягким стуком ударяли желуди – надо полагать, еще прошлогодние, поскольку новый урожай кабаньего лакомства пока не созрел. Небо над сосновым бором на противоположном берегу озера потемнело, сделавшись из голубого мутно-серым. Становилось прохладно.

– Поддать не помешает, – сказал Владимир Николаевич. – В том числе и парку.

– Поддерживаю, присоединяюсь и голосую «за», – прошамкал набитым ртом народный избранник и в подтверждение своих слов поднял вверх мускулистую, от плеча до локтя покрытую корявой вязью лагерных татуировок руку. На фалангах пальцев белели шрамы от сведенных перстней. – Айда в парилку, а Васькины халдеи нам тем временем мясца подгонят – горяченького, с пылу с жару...

Хозяин поднялся первым и, торопливо выпив на посошок, направился к бане. На пороге он остановился и, обернувшись, посмотрел на озеро.

– Гроза собирается, – сказал он и нараспев продекламировал памятное с детства: – Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром так долбанет из-за сарая, что хрен опомнишься потом!

– Двигай уже, поэт-песенник, ротный запеваля, – сказал идущий следом Беглов и звонко хлопнул его превосходительство по широкой голой спине.

5

В комнате вдруг потемнело. За окном гроыхнуло так, что задрожали стекла, резкий порыв ветра с барабанным стуком швырнул в жестяной карниз пригоршню крупных, как картечь, капель. В спальне, куда еще не добрался затеянный Андреем с полгода назад вялотекущий ремонт, громко хлопнула форточка и что-то со стуком упало на ковер. Чертыхнувшись, Липский встал из-за стола и, шаркая подошвами норовящих потеряться шлепанцев, поспешил к месту происшествия.

Врывающийся в комнату через распахнутую форточку ветер раздувал тюлевую занавеску, скрежеща и постукивая металлическими кольцами карниза. Стоявшая на подоконнике керамическая ваза с букетом сухоцветов лежала на полу, ковер был густо усеян сухим растительным мусором – семенами, пылью, лепестками и мелкими, скрученными в трубочки листочками. Снаружи сверкнула бледная вспышка, за ней последовал трескучий раскат грома, и сейчас же с ровным, плотным шумом хлынул дождь. Андрей подошел к окну, ощутив на лице холодные брызги, и закрыл форточку. Занавеска, которой так и не удалось улететь, разочарованно опала, и Андрей отметил про себя – между прочим, далеко не впервые, – что ее не мешало бы простирнуть. Занавеску не мешало бы простирнуть, старую оконную раму поменять на стеклопакет, обои переклеить, да и вообще...

– В самом деле, что ли, жениться? – произнес он вслух и, с хрустом ступая по сухому растительному сору, отправился на кухню за веником.

По дороге он включил свет сначала в спальне, потом в коридоре. Часы показывали всего пять, до вечера было еще далеко, но из-за повисшей над городом тучи в квартире было по-настоящему темно. За окном ровно шумел дождь, стук капель по карнизу слился в сплошную барабанную дробь, и даже сквозь закрытые окна было слышно, как бурлит вода в водосточных трубах. На кухне Андрей закурил и, подойдя к окну, стал любоваться буйством стихии. Асфальт во дворе уже покрылся сплошным слоем рябой от дождя, вздувающейся пузырями воды, в небе сверкало, вспыхивало и гроыхало, ветвистые молнии вонзались, казалось, прямо в крыши высотных домов, которые едва виднелись сквозь пелену дождя туманными серовато-сиреневыми силуэтами. Во многих окнах горел свет; спохватившись, Андрей выдернул из гнезда на корпусе телевизора штекер антенны, а затем, поколебавшись, и вилку из розетки. При этом на глаза ему попался мирно стоящий в уголке веник, за которым он, собственно, и пришел на кухню. Чертыхнувшись еще разок, он сунул окурочок в пепельницу, вооружился веником и совком и отправился в спальню бороться с последствиями стихийного бедствия.

К тому времени, когда сухой букет очутился в мусорном ведре, а ваза, в которой он стоял, совок и веник были водворены на свои места, гроза пошла на убыль. Вернувшись в гостиную, где на письменном столе у окна тихо шелестел кулером включенный ноутбук, Андрей с полной ясностью осознал, что желание работать исчезло так же неожиданно, как появилось. Так бывало – раньше пореже, теперь намного чаще; бороться с такими приступами лени и безразличия к теме он умел, но плоды эта борьба приносила лишь в тех случаях, когда это было действительно необходимо. Сейчас такая необходимость отсутствовала – как, впрочем, и почти всегда в последнее время. Это была обратная сторона свободы и независимости, к которой так стремился Андрей Липский, и порой он, как сейчас, почти всерьез скучал по тем временам, когда над ним дамкловым мечом висел назначенный редактором срок сдачи материала.

С работой, если перечитывание своих старых набросков можно назвать работой, на сегодня явно было покончено. Закрывая папку, без затей озаглавленную «Француз», Андрей подумал, что с этой темой, вполне возможно, покончено не только на сегодня, но и навсегда – или, как минимум, до тех пор, пока не появится хоть какая-то достоверная информация о беглом финансовом гении. В этой истории встречались интересные моменты – такие, например,

как покушение на Французова, совершенное сразу после пресс-конференции, которую он дал в Лондоне. Это было в первый месяц его вынужденной эмиграции, когда он еще пытался опровергнуть выдвинутые против него обвинения. Киллер промазал, и Андрей, да и не он один, тогда, грешным делом, решил, что это просто пиар – попытка обелить себя в глазах общественности, нацепить терновый венец мученика, несправедливо и незаконно преследуемого российскими спецслужбами за преступления, которых не совершал. Но новых интервью с обвинениями в адрес Москвы не последовало – Французов просто исчез, растворился и больше не давал о себе знать. В Интернете ходили смутные слухи о превращенном в настоящую крепость поместье в Латинской Америке, заставлявшие вспомнить Троцкого, о серебряных рудниках, нефтяных скважинах, каких-то приисках и плантациях – то ли кофе, то ли каучуконосов, то ли вообще коки... Все это, по мнению Андрея, относилось к категории ОСС – «Одна Сволочь Сказала» – и не заслуживало доверия, как всякая информация, не поддающаяся проверке. Интерес к Французову, и поначалу не особенно острый, довольно быстро угас, и о бывшем члене российского правительства никто не вспоминал до тех пор, пока Интернет не взорвала выложенная каким-то шутником новость о его возвращении на родину.

Диктор радиостанции, донесший это сомнительное известие до Андрея, все-таки приврал: сообщение о будто бы вынашиваемых Французовым планах возвращения появилось в Сети не двое суток и даже не сутки, а всего несколько часов назад. Создавалось впечатление, что кто-то, кому он доверял, обманул его доверие и разгласил строго конфиденциальную информацию уже после того, как самолет добровольного изгнанника взял курс на Москву. Липский подозревал, что впечатление это создано искусственно и, более того, весьма искусно. Слух о своем возвращении в Россию мог пустить сам Французов – бог знает зачем, у богатых свои причуды; это могло, наоборот, означать вступление в завершающую фазу какой-то тщательно спланированной акции, направленной на дискредитацию, экстрадицию, а может быть, и физическое устранение беглого политика и финансиста. А еще это могло быть обыкновенной уткой, вымыслом не шибко умного ньюсмейкера, которому наскучило рассказывать общественности байки об НЛО и снежном человеке.

Андрей живо представил себе этого густо припорошенного перхотью и сигаретным пеплом умника – как он сидит в своем закутке перед компьютером, запивает кофе пивом, хрустит картофельными чипсами и, уставившись в потолок, ковыряет в ухе: чем бы это еще удивить народ? Об этом мы недавно писали, и об этом тоже – вчера, позавчера и на позапрошлой, кажется, неделе... Голубоватые блики монитора дрожат на толстых стеклах очков, рука с обкусанными (и хорошо, если чистыми) ногтями тянется к распотрошенной пачке сигарет и замирает на полпути: погодите-ка, был ведь такой персонаж... как бишь его – Французов? Сбежал от правосудия, поначалу, как многие до и после него, осел в Лондоне и оттуда пытался доказывать, что он не верблюд и что дело против него сфабриковано... Потом в него стреляли, потом он куда-то пропал – хорошо спрятался, а может, и вовсе помер. Помер или нет, а скандалить и судиться с блогерами он точно не станет – не в его положении, знаете ли, руками махать. Значит, про него можно сочинять что бог на душу положит – что он погиб при загадочных обстоятельствах, организовал секту с террористическим уклоном или, скажем, решил вернуться на родину, чтобы предстать перед правосудием и добиться снятия всех обвинений. Личность в прошлом известная, народ его еще не забыл, и при грамотном подходе эту белиберду можно гонять по кругу неделю, а может, и целых две...

То, что этот гипотетический писака называл грамотным подходом, вызывало у Андрея Липского жалостливую, сочувственную улыбку: что возьмешь с убогого? Ход, спору нет, неожиданный, с выдумкой, с перспективой, но вот детали... Какая-то умершая деревенская тетушка – это что, мотив для человека, находящегося в федеральном розыске? Да как он, в конце-то концов, узнал, что она померла? Кто ему об этом сообщил – старуха соседка, которой одной на всем белом свете было известно, где он скрывается? Надела опорки, взяла клюку и

похромала за полсотни верст в райцентр, на почту: набери-ка, мне, дочка, вот этот номерок... Не отвечает? Тогда телеграмму отбей – Рио-де-Жанейро, главпочтамт, до востребования... А он, стало быть, получил телеграмму, бросил все и помчался в аэропорт: как же, тетка у него померла, без него с похоронами некому управиться, да и наследство, опять же, растащат – избу-развалюху, облезлого кота и шелудивую козу. Не бывать этому!

Андрей выключил компьютер и посмотрел в окно. Дождь уже кончился. Туча уползала на восток, устало ворча и погромыхивая, небо в той стороне было темное, серо-фиолетовое, но на западном крае небосвода уже прорезалось закатное солнце, и над мокрыми, блестящими, как лакированные, крышами зажглась хорошо заметная на фоне уходящей тучи, огромная, в полнеба, радуга.

Андрей посмотрел на часы. Было без четверти шесть, день кончился. Как всегда, когда работа не клеилась, он чувствовал себя усталым, совершенно разбитым, вялым и взбудораженным одновременно. Звонить Лизе в таком состоянии было, мягко говоря, неразумно. Умнее всего сейчас было бы совершить продолжительный моцион на свежем воздухе. Но, во-первых, где Москва, а где свежий воздух; во-вторых же, идти ему никуда не хотелось, и он решил, что сегодня его драгоценному организму придется обойтись без моциона – так же, к слову, как вчера, позавчера, позапозавчера и так далее.

– Дурак я сегодня, – пожаловался он мертво поблескивающему погасшим экраном ноутбуку. – С этим надо что-то делать. Говорят, клин клином вышибают. Попробовать, что ли?

Он прошел на кухню, вставил на место штекер антенны, включил телевизор в сеть и вооружился пультом. Потом достал из холодильника бутылку пива и с воинственным кличем «Дашь поголовную дебилизацию россиян!» плюхнулся на угловой кухонный диванчик.

6

Говоря, что до посадки остался всего час, симпатичная стюардесса явно поторопилась: самолет сильно отклонился от курса, огибая преградивший путь к Москве грозовой фронт, и приземлился с опозданием на сорок две минуты.

Когда стих гул турбин, когда были произнесены все приличествующие случаю слова по интеркому и пассажиры неторопливо потянулись к выходу, золотой «ролекс» на запястье господина с усами а-ля Сальвадор Дали и сидящей эспаньолкой показывал уже без двадцати восемь. Владелец дорогого хронометра вынул из рундучка над сиденьем саквояж из тисненой телячьей кожи, повесил на шею цифровую видеокамеру, надел светлую панаму, поправил солнцезащитные очки и одним из последних покинул салон.

Стоявшая у выхода стюардесса на прощанье одарила его белозубой улыбкой, в которой, помимо заученной вежливости, угадывалась искренняя заинтересованность. Господина с эспаньолкой это не удивило: он привык нравиться женщинам и обычно платил им полной взаимностью, даже когда подозревал – как правило, не без оснований, – что очередную пассию интересуется не столько он сам, сколько его деньги. Он благосклонно кивнул бортипроводнице и вышел из самолета.

Незадолго до посадки, когда лайнер, идя на снижение, пробил сплошной покров низкой облачности, а потом лег на крыло, заходя на разворот, пассажир с эспаньолкой повернул голову и через проход и три ряда кресел на мгновение увидел в иллюминаторе землю – неправдоподобно четкие и правильные прямоугольники подернутых сиреневой дымкой полей, россыпи похожих с высоты на детские кубики домов, напоминающие монтажную плату с папаянными на нее радиодеталями, розовые от закатного солнца пластины микрорайонов, блеск сусального золота на куполах какого-то монастыря... Это была Москва – то есть не сама Москва, а ближнее Подмосковье, один из метастазов чудовищной раковой опухоли, в которую рано или поздно превращается каждый большой, активно растущий и развивающийся город. Господин

с эспаньолкой – если верить паспорту, который лежал во внутреннем кармане его полотняного пиджака, гражданин Аргентины Антонио Альварес – не был здесь уже давненько, но внимательно следил за жизнью города через посредство Интернета и спутникового телевидения. Эта жизнь шла именно так, как, по его мнению, должна была идти; нельзя сказать, что приходящие из России новости ему нравились, но он знал: где ты ничего не можешь, там ничего не должен хотеть. В свое время он потратил немало сил, пытаясь направить ход событий в иное русло, но это напоминало попытку сдвинуть голыми руками гору – если хорошенько подумать, так и пробовать, верно, не стоило.

За мгновение до того, как отвести взгляд от иллюминатора, он увидел там, внизу, совсем другую картину. Дома и улицы исчезли; теперь под крылом аэробуса лежал дремучий лес, сплошь состоящий из голых, уродливых, мертвых и даже, кажется, окаменевших деревьев. Густое переплетение корявых ветвей, как клетка, удерживало внизу, не давая расползтись и рассеяться, прильнувший к узловатым корневищам вечный мрак; это была вотчина волков-оборотней из его сна, их логово, их родовое поместье – гиблое место, живущее по законам волчьей стаи и ежеминутно рождающее чудовищ только для того, чтобы рано или поздно их пожрать.

Видение было таким ярким и реалистичным, что господин Альварес вынул из внутреннего кармана пластиковый пузырек с прописанными доктором таблетками и перечитал надпись на этикетке, уделив особое внимание составу препарата. Врач уверял, что это лекарство не вызывает привыкания и почти не дает побочных эффектов. С учетом диагноза, не оставлявшего пациенту надежд на выздоровление, и весьма непродолжительного срока, который был ему отмерен, латиноамериканский коллега доктора Айболита мог и соврать. Но не предупредить человека, который самостоятельно водит машину и пилотирует легкомоторный самолет, о том, что препарат может вызвать галлюцинации – нет, это было бы чересчур даже для Аргентины.

Антонио Альварес убрал пузырек обратно в карман. Скорее всего, привидевшийся ему наяву кошмар был рожден не лекарством, а его собственным подсознанием. Разум уверял, что все обойдется – во всяком случае, шансы на это достаточно велики, чтобы не шарахаться от собственной тени. Ему всегда везло – не в мелочах наподобие азартных игр или подворачивающихся под ноги на улице туго набитых бумажников, а исключительно по-крупному, там и тогда, где и когда без везения действительно было не обойтись. Как тогда, в Лондоне, когда из выпущенных убийцей почти в упор четырех пуль в цель попала только одна, слегка оцарапав бедро, или много раньше, когда ему посчастливилось оказаться вдалеке от места событий, в которых, сложись все немного иначе, он мог принять самое непосредственное участие. Как будто ангел-хранитель, в воспитательных целях позволяя ему набивать синяки и шишки на мелких житейских колдобинах, своевременно хватал его за шиворот и аккуратно обводил вокруг волчьих ям с вбитыми в дно заостренными кольями.

Так, вероятнее всего, должно было произойти и сейчас. Обошедшийся в кругленькую сумму паспорт выглядел безупречно и мог выдержать самую тщательную проверку, поскольку был настоящим; искать его уже почти наверняка перестали – во всяком случае, искать активно, – а если и не перестали, что с того? Лист проще всего спрятать в лесу – так сказал, кажется, Честертон, – и где труднее всего отыскать человека, если не в многомиллионном мегаполисе? Особенно если человек, как Антонио Альварес, не претендует на сомнительную славу медийной персоны и никому не собирается мозолить глаза...

Доктора отмерили ему месяц-другой – самое большее, полгода, но это при условии, что случится чудо. Он мог бы провести остаток дней с максимальным комфортом, который могут обеспечить по-настоящему большие деньги, но предпочел рискнуть – не потому, что имел мазохистские наклонности, а потому, что должен был привести в порядок дела. Есть вещи, в которых люди не признаются даже на исповеди, но это не означает, что груз старых грехов и

ошибок, которые еще можно исправить, следует тащить за собой на тот свет. И когда точно знаешь, что дни твои сочтены, не сделать попытки снять камень с души – просто-напросто преступно, в первую очередь перед самим собой.

Словом, здесь, в России, ему нужно было кое-что успеть. На это требовалась буквально пара дней, и он твердо рассчитывал, что этот срок в его распоряжении будет – должен быть, потому что иначе просто нельзя.

Выйдя из самолета, он испытал легкое разочарование. Вместо передвижного трапа, на который почему-то рассчитывал, он очутился в узком посадочном коридоре с глухими белыми стенами – еще один признак изменений, вызванных наступлением цивилизации и стремительно делающих мир неузнаваемым для тех, кто, как насекомое в янтаре, застрял во второй половине прошлого века.

Длинный белый коридор напоминал кишку; отогнав неуместную мысль о том, что в таком случае должны олицетворять собой движущиеся по нему плотной массой пассажиры, господин Альварес поправил на плече ремень саквояжа и примкнул к попугайчикам, поскольку выбора все равно не было.

Очутившись у стойки паспортного и таможенного контроля, он, наконец, понял, для чего на самом деле предназначена только что оставшаяся позади белая пластиковая кишка. Считается, что она служит для обеспечения безопасности пассажиров при посадке и высадке из самолета. Спорить с этим трудно, да и незачем; просто каждому предмету, если постараться, можно найти другое применение. Передвижные посадочные коридоры, соединяющие самолеты с пассажирскими терминалами современных аэропортов, эффективно оберегают пассажиров от дождя, ветра, снега, а заодно и от вполне реальной возможности переломать кости, по неосторожности или спяну сверзившись с крутого трапа. Но столь же эффективно эти стыковочные модули лишают человека свободы маневра: с того мгновения, как стюардесса закроет люк за последним пассажиром, он может двигаться вперед и только вперед – даже в том случае, если, как Антонио Альварес в данный момент, вдруг осознал, что вперед ему уже не надо. «Рыбка передом плышет и назад не отдает» – так, помнится, они говорили в детстве, правда по другому поводу.

У самого прохода в ограждении, что отделяло символический островок нейтральной зоны от территории Российской Федерации, затесавшись в толпу встречающих, но отчего-то даже зрительно с ней не смешавшись, стояли четверо молодых, рослых, ладно скроенных и крепко сбитых мужчин. Они стояли порознь и никак не общались между собой, но почему-то сразу чувствовалось, что это группа – хорошо, если группа захвата, а не ликвидации. Спортивные куртки, джинсы, удобная обувь – все четверо были одеты буднично и просто, и заподозрить в них группу наделенных некими особыми полномочиями лиц не мог бы никто, кроме того, по чью душу они явились. Для стороннего наблюдателя это были просто четыре случайных человека в толпе, но Альварес не был для них посторонним. Он видел, что все четверо, не сводя глаз, смотрят прямо на него, и усилием воли подавил инстинктивное желание оглядеться в поисках пути к отступлению. Озираться было бесполезно: таких путей не существовало. Конечно, здесь был уже не узкий коридор с глухими белыми стенами, а зал таможенного досмотра, где смертельно больной человек мог немножечко побегать, прежде чем его поймут и уложат носом в пол, заломив за спину руки. Но подобная выходка была бесполезной, недостойной, да и выглядела бы достаточно нелепо. Поэтому, а еще потому, что все это опять могло быть плодом его не ко времени разгулявшегося воображения, он решил не дергаться. Старая китайская мудрость гласит: «Если насилие неизбежно, расслабься и получай удовольствие».

К тому же он мало что терял, жаль было только, что все-таки не успел привести в порядок дела.

Когда, без проблем пройдя паспортный и таможенный контроль, он миновал проход в ограждении, те, кто его встречал, вполне незаметно очутились рядом – один справа, один слева, и еще по одному спереди и сзади.

– Господин Альварес, – по-русски обратился к нему тот, что спереди, – вам придется проехать с нами.

– Что происходит? – спросил он по-испански.

– Хватит ломать комедию, Французов, – сказал тот, что слева, вынимая из нагрудного кармашка коленкорovou книжицу с тисненной золотом надписью: «Федеральная служба безопасности». – Сам знаешь, «ке паса». Сколь веревочке ни виться... Не ломайся, а то сделаем больно.

А тот, что стоял справа, без слов защелкнул на запястье господина Альвареса вороненый браслет наручников. Второй браслет был застегнут на его левой руке.

– Сто лет не ходил за ручку с человеком одного со мной пола, – перейдя на родной язык, сообщил ему господин Альварес, гадая, куда его сейчас повезут – на Лубянку или в ближайший песчаный карьер. – Как в детском саду: разобраться по парам...

– Разговорчивый, – с удовлетворением заметил один из оперативников.

– Значит, у следака с ним проблем не будет, – предположил второй. – Двигай вперед, шутник. И без фокусов.

Тесной дружеской компанией они пересекли просторный вестибюль пассажирского терминала. Стекланные двери автоматически раздвинулись перед ними, и господин Альварес полной грудью вдохнул парной, влажный после недавней грозы, пахнувший озоном и выхлопными газами воздух Москвы. Вдоль бордюров и в стыках тротуарных плит еще темнели полоски влаги, зеркальные стекла терминала горели малиновым огнем, отражая закатное солнце. На мгновение ему стало жаль, что он уже никогда не вдохнет чистый, как вода в горном ручье, воздух своего аргентинского поместья, не проедется верхом по зеленым холмам и не выйдет в море под парусом, но сожаление было недолгим: снявши голову, по волосам не плачут.

И в конце-то концов, он был дома – несмотря ни на что, дома.

Глава II. Взяткодатель и симулянт

1

Они неторопливо шли сквозь прохладный, напоенный запахами прели и разогретой солнцем листвы сумрак вековой дубравы, по пружинящему, скользкому ковру из желудей, которых здесь было видимо-невидимо – миллионы, наверное, а может быть, и миллиарды. Заслонившие небо раскидистые кроны слабо шелестели под легкими порывами верхового ветра; птиц слышно не было – их распугали выстрелы, время от времени звонко бахавшие в отдалении.

– И когда он уже настреляется? – недовольно проворчал Владимир Николаевич Винников, покосившись в ту сторону, откуда доносилась пальба.

Его карабин дулом вниз висел на плече и выглядел так же ненужно и неуместно, как если бы это была клюшка для гольфа или увешанный блестящей мишурой картонный трезубец ряженого Нептуна. Необмятый камуфляжный костюм, охотничья жилетка со множеством карманов и кожаный пояс с подсумками сидели на заместителе генерального прокурора, как на пугале, придавая ему нелепый, клоунский вид. Шагавший рядом депутат Беглов был одет точно так же, но выглядел, напротив, так, словно родился в этом мужественном наряде воина и добытчика. Он был вооружен дорогой двустволкой, которую, как заправский охотник, нес переломленной на сгибе локтя. Из патронников, поблескивая, торчали латунные доньшки гильз. Патроны были заряжены разрывными пулями. К охоте Илья Григорьевич Беглов относился весьма прохладно, но знал, что ненароком выскочивший из чащи прямо перед носом подранок вряд ли станет интересоваться его личным отношением к убийству ради забавы, и был готов, как нынче принято выражаться, дать адекватный ответ на вызовы современности. На Винникова с его нарезным карабином в этом плане рассчитывать не приходилось, и, ведя светскую беседу, Илья Григорьевич не забывал внимательно посматривать по сторонам.

– Что ты хочешь – военная косточка, – ответил он на риторический вопрос собеседника. – Они же как дети: хлебом не корми, а дай во что-нибудь пальнуть – так, чтоб клочья полетели.

– Ну и стрелял бы по мишеням, – не сдавался Винников.

– Чудак ты, ей-богу, – усмехнулся Беглов. – По мишеням стрелять – это все равно что на трах по телевизору смотреть. Распалился, раззадорился, а под рукой никого... Вернее, это как спать с резиновой бабой – вроде все сделал, а удовольствие не то.

– Вот не знал, что ты у нас ходок по резиновым Зинам, – хмыкнул Владимир Николаевич. – Ты только в каком-нибудь интервью этого не ляпни, срама потом не оберешься.

– Вот же крючоктвор! – беззлобно выругался Беглов. – Как есть гнида прокурорская. Гляди-ка, из одного неосторожного слова на ровном месте целое дело сшил!

– Не я один это умею, – вопреки обыкновению даже не подумав оскорбиться, ответил Винников. – Потому и говорю: следи за своим языком.

– Ну, положим, мой язык – не самая серьезная из наших проблем, – заметил Беглов. – Что за фокус снова выкинул наш старый приятель?

– Странно, что ты не сказал «кореш», – заметил Владимир Николаевич.

– Фильтрую базар, следуя твоему мудрому совету, – усмехнулся депутат. – Так что это за номера? Я все подготовил: подогрел кого надо, заслал в изолятор маляву, вертухай пацанам уже, наверное, и заточку передал... да ему уже местечко в морге освободили и могилку на заднем дворе отрыли, а хоронить-то и некого! Его что, в другой СИЗО перевели?

Винников отрицательно покачал головой. На его бледной невыразительной физиономии, вечно сохранявшей кислое, недовольное выражение, появилась кривая, невеселая улыбка.

– Еще смешнее, – сказал он. – Не в другой изолятор, а в больницу.

– Что ты гонишь! – не поверил депутат. – Думаешь, мне бы не сообщили?

– Ты не понял, – терпеливо произнес заместитель прокурора. – Не в тюремную больницу. В клинику. В специализированную современную клинику при научно-исследовательском институте, занимающемся проблемами мозга.

– Какого еще мозга?! – раздраженно воскликнул Беглов, явно отказываясь верить то ли собеседнику, то ли собственным ушам.

– Головного, Илюша, – сочувственно пояснил Винников. – Какого же еще? Видишь ли, дело едва не уладилось само, без твоего... то есть без нашего вмешательства. При задержании у него изъяли пузырьки с таблетками. Что за таблетки, разобраться, естественно, не стали, а он ничего по этому поводу не сказал. Зато, как я понимаю, на другие темы распространялся весьма охотно – ну, ты же помнишь, как он умеет, когда захочет.

– Помню, – кивнув, подтвердил Беглов. – Мертвого до белого каления может довести.

– Вот именно. Короче, один из оперативников по дороге не утерпел и дал ему по башке. Легонько, без фанатизма, просто чтобы привести в чувство, напомнить, где и в каком качестве он находится. А он возьми да и затей ласты клеить – прямо там, в машине.

– Закосил? – с живым интересом человека, не раз проделывавшего подобные трюки, спросил народный избранник.

– Да то-то, что нет! Если бы те, кто его брал, пришли к такому выводу, мы сейчас не слонялись бы по лесу с этими дурацкими ружьями, а пили коньяк на его могилке. Но его скрутило по-настоящему – так, что даже фээсбэшников проняло. Потом ему повезло еще раз: врачам «скорой» удалось ненадолго привести его в сознание, и он сумел назвать им диагноз: неоперабельная опухоль мозга. Сейчас этот диагноз проверяют и уточняют, но, судя по всему, он полностью соответствует действительности. Если так, жить ему осталось недолго, от силы пару месяцев. Поэтому его срочно отвезли в лучшую клинику, и там профессора и академики с него буквально пылинки сдувают – что самое смешное, за казенный счет, потому что наш генеральный все еще надеется получить от него какие-то ценные показания. Его собственное дело до суда уже не довести, это ежу понятно, но старик рассчитывает, что перед смертью Француз сдаст ему пару-тройку своих бывших партнеров и конкурентов.

– И он их сдаст, – с уверенностью предрек Беглов. – Я даже догадываюсь, кого именно. Теперь понятно, почему он не побоялся вернуться. Терять-то все равно нечего!

– Да, – согласился Винников. – Более того, я подозреваю, что именно за этим он и приехал – свести перед смертью счета, раздать долги. Утопить нас и подохнуть с довольной ухмылкой на роже. Шуточка как раз в его духе. И срок нам размотают, поверь, на всю катушку. Никакие адвокаты не помогут, в пору самим в Аргентину драпать.

– Это факт, – вздохнув, подтвердил Беглов. – Настоящий подарок для твоего шефа! Громкий коррупционный процесс в духе времени, на скамье подсудимых – генерал-полковник из самого Генерального штаба, заместитель генерального прокурора и депутат Государственной думы. Да журналюги Французу в складчину памятник поставят – выше Останкинской башни, чтоб с любого конца Москвы видно было! Только хрен он угадал, этот умник. Я ему пасть земель забью раньше, чем он успеет ее разинуть. Ты можешь узнать точно, где он лежит и как его охраняют?

Вместо ответа Винников вынул из нагрудного кармана своей пятнистой охотничьей жилетки сложенный вчетверо листочек бумаги и, зажав между средним и указательным пальцами, протянул его Беглову. Депутат развернул бумажку и усмехнулся: осторожный и предусмотрительный, как все прокурорские, друг Володя не написал адрес от руки, а набрал на компьютере и распечатал.

– Охрана обычная, – сказал Владимир Николаевич, – четыре постовых милиционера... то есть я хотел сказать полицейских.

– Еще бы констеблями назвали, – проворчал Беглов, убирая записку в карман. – Как были ментами позорными, так ими и остались. Можно подумать, если «Оку» назвать «порше», она от этого быстрее поедет.

«Чья бы корова мычала», – хотел сказать Владимир Николаевич, но предпочел воздержаться от комментариев: Беглов не любил, когда ему напоминали о прошлом, а сейчас от этого остепенившегося быка слишком многое зависело, чтобы попусту его злить.

– Многовато – четыре, – озабоченно сказал Илья Григорьевич. Он имел практический склад ума и явно уже прикидывал, как ценой наименьших потерь и риска решить непростую задачу. – Насчет обычной охраны ты, Вован, загнул.

– Сделаю, что смогу, – без видимого энтузиазма пообещал Винников. – Нажму на кого следует... Да, думается, и жать-то особенно не придется. Это они просто в себя прийти не могут: поймали крупную рыбину, а она чуть коньки не отбросила на глазах у пораженной публики. Побега или покушения они не опасаются, журналисты не в курсе... Короче, день-другой, пыль уляжется, начальство успокоится, осознает, что старуху с косой даже всем личным составом московского ОМОНа не отпугнешь, и количество охранников сократят до двух. А может, и до одного.

– А совсем их убрать нельзя? – спросил Беглов.

– Угу, – язвительно промолвил Винников. – И попросить, чтобы перед уходом потратили на Француза патрончик-другой, чтоб самим не пачкаться. Так-то проблемы решать и я умею!

– Умеешь, умеешь, – покивал головой Беглов. – Если припомнить, так ты их по-другому сроду не решал. Ладно, как говорится, напьемся – разберемся. Ты помещика нашего, его высокопревосходительство господина генерал-полковника, проинформировал?

– Еще чего, – фыркнул Владимир Николаевич. – Пускай его армейская разведка информирует, а мне и без его истерик забот хватает. Был бы от него хоть какой-то прок, проинформировал бы непременно. А так – ну, чего попусту воздух сотрясать?

– И то правда, – согласился Беглов. – Пусть пока забавляется. А когда сделаем дело, мы с него, кабана в погонах, компенсацию требуем.

– Требуешь с него, – с нескрываемым сомнением проворчал Винников.

– Требуем, требуем. Про топор-то ты давеча правильно сказал. Топорик у него был, а отдуваться кому – нам, что ли? Мы-то отдуемся, не привыкать, а вот ему придется раскошелиться – разумеется, в широком смысле слова.

– В самом широком, – уточнил заместитель генерального прокурора Винников и улыбнулся, на какое-то мгновение приобретя неуловимое, но несомненное сходство с грозой морей и океанов – большой белой акулой.

2

– Липский! Андрюха!

Голос показался Андрею знакомым и почему-то вызвал не самые приятные ассоциации. Желание проигнорировать оклик, сделав вид, что не услышал, пришло почти одновременно с пониманием бесполезности этой меры пассивной обороны: человек, не стесняющийся драть глотку в набитом людьми кафетерии телецентра, все равно не отстанет – так и будет надрываться, стараясь привлечь к себе внимание, пока не добьется желаемого результата.

Андрей остановился и огляделся, держа на весу поднос.

– Да вот он я! – во всю глотку воскликнул тот же голос. – Сюда давай!

Несколько человек обернулись, и, проследив за направлением их взглядов, Андрей увидел в дальнем углу зала машущую руку. Ниже руки обнаружилась ярко-красная бейсбольная кепка с похожим на утиный клюв длинным козырьком и броской белой надписью по-английски: «Поцелуй меня в зад», а под кепкой – широкая рыхлая физиономия, самыми Примеча-

тельными деталями которой являлись большие солнцезащитные очки и рыжеватые, любовно ухоженные бакенбарды.

– Чтоб тебя, – пробормотал Андрей, беря курс на эти заметные издалека ориентиры.

Интуиция его не подвела: действительно, человек за дальним угловым столиком был ему неприятен, и, действительно, отделаться от него было не так-то просто. Тот, с кем решил пообщаться обладатель красной кепки с неприличной надписью, солнцезащитных очков а-ля Элвис Пресли и рыжеватых бакенбард, мог избежать этого, лишь применив предельно грубые, неприемлемые в цивилизованном обществе приемы наподобие удара по лицу или пинка в промежность. Причем последний был предпочтительнее, поскольку временно ограничивал способность любителя поцелуев в зад к передвижению без посторонней помощи, давая его несостоявшейся жертве возможность затеряться в толпе.

Человек, к которому, мысленно проклиная несчастливую звезду, что привела его сюда именно в это время, направлялся Андрей, подписывал свои фотографии звучным псевдонимом Александр Соколов-Никольский. Его настоящее имя было не столь благозвучным: по паспорту он был Федор Скопцов. В прошлом фотокорреспондент захудалой газетенки из какого-то забытого Богом и людьми провинциального райцентра, лет пять или шесть назад он переехал в столицу и здесь благодаря врожденной пронырливости и непрошибаемой наглости довольно быстро снискал сомнительную славу матерого папарацци – охотника за знаменитостями. Благодаря этим же качествам в определенных кругах он был известен под кличкой Глист, ибо как никто умел пролезать без мыла в любую щель и, подобно упомянутому паразиту, жирел на том, что у приличных людей не вызывает ничего, кроме рвотного рефлекса.

Несмотря на то что в кафетерии было довольнолюдно, Глист восседал за столиком в гордом одиночестве. Без сомнения, это не было случайностью: свободный фотохудожник, как он себя называл, Федор Скопцов относился к той породе людей, которых окружающие сторонятся инстинктивно, на подсознательном уровне. Столик был заставлен многочисленными тарелками; в центре возвышался пузатый графинчик, на дне которого еще плескалось граммов пятьдесят некоей прозрачной жидкости – надо полагать, отнюдь не воды. Видя, что его призыв услышан, свободный фотохудожник быстренько слил ее в рюмку, торопливо выпил и только после этого, обезопасив ценный продукт от посягательств со стороны Липского, принялся сдвигать тарелки, освобождая место. Места было мало, и, чтобы обеспечить подносу Андрея благополучное приземление, ему пришлось повесить на шею лежавший наготове на углу стола фотоаппарат с мощным телескопическим объективом.

Поставив поднос, Андрей был вынужден пожать протянутую Глистом руку. Ладонь у фотографа была мягкая, холодная и липкая от пота – словом, такая же отвратительная, как он сам и то, чем он занимался.

– Привет оплоту свободной журналистики, – напористо поздоровался Скопцов. – Каким ветром тебя занесло в этот вертеп? Только не говори, что случайно проходил мимо, – все равно не поверю.

– Что ни капельки меня не расстроит, – усевшись и нацеливаясь вилкой в салат, в тон ему произнес Андрей. – Этому ты способен поверить?

– Этому – да, способен, – демонстрируя завидное умение пропускать мимо ушей обидные для него высказывания и не замечать пренебрежительных интонаций, сообщил Скопцов. – Ты ж у нас весь из себя независимый, тебя на кривой козе не объедешь. На мнение общественности тебе начхать с высокого дерева... Кстати, попытка неплохая. Я бы сказал, зачетная.

– Какая еще попытка? – быстро жуя, спросил Андрей.

Он не любил есть второпях, но в данном случае приходилось выбирать между тщательным пережевыванием пищи и продолжительным нахождением в обществе Глиста.

– Уклониться от ответа, – ковыряя в зубах, ответил Скопцов. – Так каким ветром, Андрюха?

Андрей не любил панибратства, особенно со стороны малознакомых и несимпатичных ему людей.

– Знаешь, Федос, – мстя за «Андрюху», сказал он, – ты угадал: я случайно проходил мимо и решил перекусить. И должен заметить, что, мешая мне тщательно пережевывать пищу, ты наносишь существенный вред моему хрупкому организму.

– Ха, – сказал непробиваемый Глист, – смотрите, какой нежный! Да тебя ломом не убьешь.

– Согласен принять это в качестве комплимента, – сдержанно произнес Андрей. – Хотя это спорное утверждение, проверять которое я не испытываю ни малейшего желания.

– Можешь не отвечать, – милостиво разрешил Скопцов. – Я и так знаю, зачем ты приходил. Тебя тоже пригласили поучаствовать в этом убогом ток-шоу, верно?

Андрей помедлил с ответом, хрустя резаной капустой. Было ясно, что Глист от него нипочем не отстанет; кроме того, удовлетворяя любопытство этого паразита в бакенбардах, он ровным счетом ничего не терял.

– Ну да, – сказал он, – пригласили.

– А ты?

– Посмотрел сценарий и отказался.

– Ну и дурак, – вынес вердикт Скопцов. – Бабки же платят! У них тут денег куры не клюют, они ими сорят направо и налево – знай себе подбирай!

– Вот и занялся бы, – посоветовал Андрей.

На секунду подняв взгляд, чтобы проверить, какой эффект произвело это предложение, он слегка оторопел. На многое рассчитывать не приходилось, поскольку Скопцов славился своей толстокожестью, но пущенная Андреем наугад стрела, кажется, нащупала микроскопическую трещинку в неуязвимой броне его самодовольного нахальства и угодила, что называется, не в бровь, а в глаз.

– С этими козлами каши не сваришь, – проворчал Скопцов и злобно сверкнул темными стеклами очков. – Тупые, как... как я не знаю кто! Их прямо в золотые россыпи носом тычут, а они морду воротят: неформат!

– То есть тебя на это шоу взять отказались, – подлил масла в огонь Липский.

– Да оно мне даром не нужно! Так, хотел подкинуть им кое-какую информашку как раз по теме...

Андрей почел за благо промолчать, хотя впервые с начала разговора испытал что-то вроде вялого любопытства. Скопцов был до крайности неприятным типом, но имел одно достоинство, заключавшееся в феноменальном чутье на жареные новости. В его профессии без такого чутья делать нечего, но у Глиста оно было развито просто фантастически. Выпытывать подробности было бесполезно: Скопцов неминуемо начал бы ломаться и напускать туману, набивая цену. Умнее было подождать, демонстрируя полное равнодушие и стремление как можно скорее закончить разговор. Среди многочисленных изъянов Федора Скопцова значилось и безудержное хвастовство. Начав хвалить себя, он уже не мог остановиться, и задача Андрея в данный момент сводилась к одному: потерпеть и дожидаться, когда он начнет.

При иных обстоятельствах информация, на которую намекал фотограф, вряд ли заинтересовала бы Андрея: Глист специализировался на скандальных фоторепортажах из жизни московского бомонда, каковая жизнь интересовала журналиста Липского не больше, чем копошение опарышей на дне выгребной ямы. Но Скопцов упомянул, что располагает информацией по теме завтрашнего ток-шоу, а темой завтрашнего ток-шоу была разворачивающаяся в стране антикоррупционная кампания. Причины, по которым Андрей Липский считал предстоящее обсуждение балаганом, недостойным своего участия, касались только его одного; это не значило, что данная тема его не интересует, а сведения, на которые намекал Скопцов, могли оказаться по-настоящему сенсационными или, как минимум, любопытными.

– По какой еще теме, – придвигая к себе тарелку с эскалопом, небрежно отмахнулся Андрей. – Что-то я не слышал, чтобы в ближайшее время тут собирались снять передачу, посвященную сравнительному анализу голых ягодичек и молочных желез звезд шоу-бизнеса.

Скопцов не проглотил наживку, ответив на это провокационное заявление лишь кривой, исполненной чувства собственного превосходства улыбочкой.

– Много ты понимаешь, – пренебрежительно обронил он. – Скажи-ка лучше, твоя Марта еще не оставила адвокатскую практику?

– Она давно не моя, – напомнил Андрей. – Ты должен быть в курсе, ведь это ты разместил наши фотографии на крыльце ЗАГСА, где мы разводились, в Интернете – насколько я понимаю, после того, как их отказались купить бульварные газеты.

– Да, – невозмутимо кивнул фотограф, – было дело. Что еще раз доказывает: ты дурак, что отказался лишней раз засветиться по ящику. Никто тебя не знает, а известность – это живые бабки. Так что насчет Марты – она до сих пор практикует?

– Практикует, – подтвердил Андрей. – И ты об этом прекрасно знаешь. Потому что, как ни прискорбно это констатировать, кормит вас одно и то же: чужие неприятности. А рыбак рыбака видит издалека.

– Моралист, – хмыкнул Скопцов. – Откуда у тебя деньги, моралист? При твоей профессии на высоких принципах морали и нравственности не разбогатеешь, а ты неплохо упакован.

«Так я тебе и сказал», – подумал Андрей, чувствуя себя слегка задетым: что ни говори, а его сегодняшнее материальное благополучие зиждется на том, что российское законодательство однозначно трактует как преступление. И то обстоятельство, что нынче, как и во все времена, разбогатеть, не преступая закон хотя бы в мелочах, невозможно, в данной ситуации не могло служить ни утешением, ни оправданием: упрекнули-то его не в том, что богат, а в том, что, обзаведясь солидным банковским счетом, продолжает размахивать своей принципиальностью.

– Короче, – резче, чем ему хотелось бы, произнес Андрей, – чего тебе надобно, старче?

– Засудить одних козлов, – без дальнейших экивоков прямо и открыто сообщил Глист. – За покушение на честь и достоинство российского гражданина, выразившееся в словесных оскорблениях и рукоприкладстве. А также за ущемление свободы слова.

– Обычный гражданский иск, – мысленно хмыкнув, сказал Андрей. При этом воображение мигмом нарисовало ему стандартную картинку: два дюжих охранника берут свободного фотохудожника Соколова-Никольского за штаны на территории чьего-то загородного поместья и пинками выпроваживают за ворота. – Правда, с минимальными шансами на удовлетворение.

– Твоя Марта и не такие дела выигрывала, – напомнил Скопцов.

– Это верно. За чем же дело стало? Она ни от кого не прячется, адрес ее конторы и рабочие телефоны есть в любом справочнике, не говоря уже об Интернете. Если ты в себе уверен – вперед! Я-то тебе зачем?

– Берет она дороговато, – пожаловался Глист.

– Тоже верно, – без тени сочувствия подтвердил Андрей. – Это не новость. Согласись, уж кто-кто, а она свои гонорары отработывает сполна.

Ему уже все было ясно, и он горько сожалел, что не бросил поднос и не убежал сразу же, как только увидел, кто его окликнул.

– Может, замолвишь словечко? – отбросив дипломатию, перешел в решительное наступление Скопцов.

– С какого перепугу? – не менее решительно нанес встречный удар Андрей. – Мы в Москве, если ты помнишь. Здесь бесплатно никто не работает.

– С бабками у меня сейчас туго, – признался Глист. – Зато, если выиграем этот процесс, я буду в шоколаде. Это настоящее золотое дно, а эти суки понаставили кругом охраны... Это бомба, Андрюха! Если хочешь, возьму тебя в долю, надо только туда прорваться...

– Какая доля, – отмахнулся Андрей, – куда прорваться? Я чужим грязным бельем не интересуюсь – извини, конечно, но специальности у нас с торбой разные.

– Ты, Зин, на грубость нарываешься и все обидеть норовишь, – со вздохом продекламировал Скопцов и с деланой неохотой потащил через голову ремень фотоаппарата. – Значит, говоришь, грязное белье? Специальность у тебя, говоришь, другая? – Приговаривая так, он играл кнопками в поисках нужного кадра, заставляя камеру тихонечко попискивать. – Интересно, что ты на это скажешь? – спросил он, с торжествующим видом протянув фотоаппарат Андрею.

Липский взглянул. На квадратном жидкокристаллическом дисплее виднелись два человека в броской униформе спасательной службы, грузившие в кузов микроавтобуса «скорой помощи» носилки, на которых лежал какой-то мужчина в песочного цвета полотняном костюме. Наружность у этого гражданина была примечательная, артистическая – длинные, до плеч, вороные волосы, тараканьи усы с лихо закрученными кончиками и остроконечная борода-эспаньолка.

– Ну и что? – спросил Андрей.

– А ты увеличь, – посоветовал Скопцов. – Приглядишься к этому типу повнимательнее. Никого не напоминает? Особенно если постричь и побрить... А?

Андрей последовал совету, дав максимальное увеличение и поместив лицо человека на носилках в центр экрана. Много это ему не дало. Ясно было только, что хотя бы в одном Глист прав: артистическая, не по возрасту прическа, дурацкие усы а-ля Сальвадор Дали и седоватая эспаньолка до такой степени мешали разглядеть черты лица, что казались бутафорскими. Липский постарался мысленно убрать их, про себя сетуя на отсутствие под рукой компьютера с простенькой графической программой, которая позволила бы в два счета проверить эту нехитрую операцию.

– «Фотошопа» не хватает, верно? – видя, что он находится в затруднении, подковырнул Скопцов.

Андрей представил, как водит компьютерной мышью по коврику, аккуратно стирая с лица на фотографии нелепую растительность, и почему-то именно это помогло ему добиться желаемого результата: он вдруг перестал замечать отвлекающие детали и увидел целое, которое действительно кое-что напоминало – вернее, кое-кого, и притом очень сильно.

– Да ну, чепуха, – сказал он, чувствуя, что чепухой тут даже и не пахнет, и вернул Скопцову камеру. – Я понимаю твоё стремление заработать на байках о его возвращении, но, если хочешь знать мое мнение, это дохлый номер. Парень просто на него похож – если, конечно, это не фальшивка, которую ты состряпал на своем компьютере.

– Вот тебе – фальшивка, – фотограф сделал в его сторону неприличный жест. – Это, Андрюха, не фальшивка, это – редкая удача. Все равно что сорвать джекпот в лотерее.

– Ну-ну, – недоверчиво сказал Андрей.

Последняя реплика представляла собой уже не что иное, как обдуманную провокацию. Скопцов сильно переоценил свои возможности, затеяв игру в недомолвки с человеком, который сделал себе имя в журналистике еще в те времена, когда он сам зарабатывал на жизнь, фотографируя свадьбы и дорожно-транспортные происшествия в своем Мухозасиженске. Опыта и умения по части извлечения из собеседника информации Андрею Липскому было не занимать, при желании он мог разговорить любого, у кого еще прощупывался пульс. Ему случалось вызвать на откровенность куда более умных и скрытных людей, чем охотник за знаменитостями по кличке Глист, который к тому же на поверку оказался еще менее крепким орешком, чем ожидал Андрей. Уязвленный недоверием собеседника, на помощь которого рассчитывал, распираемый изнутри известным ему одному секретом, который явно считал ценным, Скопцов подался к Андрею через стол и, перейдя на свистящий полусшепот, заговорил.

И уже на второй или третьей фразе Андрей понял, что потратил время не напрасно. Теперь он был готов не только попросить Марту отстаивать в суде интересы этого слизняка в бакенбардах, но и выплатить ей гонорар из собственного кармана. Благодаря врожденной способности оказываться в нужное время в нужном месте упомянутый слизник и впрямь набрел на золотую жилу, о чем Андрей пока не собирался его информировать.

3

Мотоцикл с солидным басистым рокотом глотал бензин, выплевывая пройденные километры синеватым дымком из одетой в хромированный дырчатый кожух выхлопной трубы. Он был собран на заказ и представлял собой нечто среднее между легкой кроссовой моделью и роскошным шоссейным байком. Это была добрая машина, не раз выручавшая хозяина в трудные минуты. При умелом управлении она могла пройти где угодно – ну, разве что не по воде, – что делало ее незаменимой как на запруженных транспортом городских магистралях, так и на ухабистых лесных проселках.

До предела насыщенный выхлопными газами встречный поток воздуха трепал лисий хвост, прицепленный к плечу мотоциклетной кожанки, и оведал лицо. Он был такой горячий, что не охлаждал даже на приличной скорости, и Кошевой, поддавая газу, считал минуты, оставшиеся до того момента, когда наконец окунется в попахивающую порохом и сырым цементом вечную прохладу просторного подвала. Солнечный свет тусклым размытым бликом отражался от матово-черной макушки похожего на каску американского солдата кевларового шлема, из-под козырька поблескивали антикварного вида очки-консервы; длинная, основательно посе-ребренная сединой грива реяла за плечами, руки в беспальных перчатках уверенно сжимали одетые в рубчатую резину рукоятки руля, прокладывая извилистый путь через раскаленный, испускающий удушливую вонь отработанного топлива лабиринт едва ползущих в сторону Центра автомобилей. Пока что Кошевому удавалось выдерживать приемлемый темп, но чувствовалось, что это ненадолго: движение вокруг него становилось все медленнее, машины стояли все плотнее, все беспорядочнее, едва не касаясь друг друга бортами, – впереди была пробка, судя по внешним признакам претендовавшая на рекордную на этой неделе длину.

Вскоре, как и следовало ожидать, движение остановилось окончательно. Над растянувшейся на километры пробкой повисла заунывная разноголосица автомобильных гудков; воздух дрожал и струился над раскаленными крышами, сизое марево выхлопов делалось все плотнее, превращая и без того не славящийся чистотой московский воздух в боевой отравляющий газ. Заметив справа от себя броскую вывеску фитнес-центра, Кошевой криво усмехнулся. При желании в этом и впрямь можно было найти что-то забавное. Люди за сумасшедшие деньги потеют в тренажерных залах, выбиваются из сил на беговых дорожках, морят себя голодом, сидя на предписанных высокооплачиваемыми специалистами диетах, – словом, из кожи вон лезут, стремясь сохранить и укрепить здоровье, – и при этом ежедневно подолгу вдыхают вот этот ядовитый коктейль, в котором соединений тяжелых металлов и свинца больше, чем воздуха как такового.

Кошевой тоже его вдыхал, причем в количествах куда больших, чем те, кто сидел сейчас справа и слева от него в наглухо задраенных салонах оснащенных кондиционерами авто, но его это нисколько не беспокоило: дожить до старости он не рассчитывал, да, честно говоря, и не хотел. Жизнь – бессмысленный бег по замкнутому кругу; человек вкалывает как проклятый, чтобы заработать побольше денег, которые тратит сначала на поддержание работоспособности, а потом, состарившись, – на лекарства. И что может быть глупее, чем старательно, выбиваясь из сил, вертеть это беличье колесо до тех пор, пока в нем от трения не заклинит подшипники?

Спору нет, Дмитрий Кошевой тоже вертел свое колесо, но делал это без фанатизма, не особо напрягаясь и за очень приличные деньги. Потому что вовремя сообразил: раз уж бега по

кругу все равно не миновать, надо хотя бы выбрать колесо, которое тебя максимально устраивает. Колеса-то ведь тоже бывают разные: один вертит колесо рулетки, другой – мельничные жернова, и тот, кто больше вкалывает, как правило, меньше имеет. И даже того, что имеет, не может с толком потратить, потому что – некогда, ребята, работать надо!

Мотоцикл сдержанно постреливал выхлопом на холостом ходу. Придерживая рычаг сцепления, отталкиваясь носками ботинок от асфальта, Кошевой, как на самокате, катился верхом на нем сквозь горячий, удушливый, до предела насыщенный угарным газом и отрицательными эмоциями ад пробки. Тяжелый байк, не предназначенный для такого способа передвижения, пьяно вихлял из стороны в сторону, так и норовя боднуть передним колесом борт какого-нибудь автомобиля – желательно, конечно, того, что подороже, – или сшибить кому-нибудь зеркало рукояткой широкого, раскидистого, как рога матерого лося, руля. Это была рискованная забава, но риск давно стал для Кошевого излюбленной разновидностью наркотика. Внутренняя поверхность того, что он привык мысленно именовать своим персональным беличьим колесом, была так густо усажена шипами, что появление на ней еще одного, и притом далеко не самого крупного, острия просто не имело значения. По сравнению с вещами, которые время от времени проделывал Дмитрий Кошевой, перспектива разбирательства с каким-нибудь нервно потасканным владельцем «бентли» или «майбаха» по поводу поцарапанного крыла, действительно, выглядела не стоящим упоминания пустячком.

Кроме того, Кошевой спешил. Он еще не опаздывал, но был весьма к этому близок, а вот это уже пахло серьезными осложнениями и не могло быть отнесено к разряду пустяков даже с очень большой натяжкой.

Сквозь пробку он пробрался без приключений, если не считать таковыми парочки острых моментов. В ходе одного из них какой-то чокнутый, открыв окно, прицелился в него из травматического пистолета. Будучи от природы человеком мирным и незлобивым, но вовсе не горя желанием схлопотать пулю между лопаток, Кошевой притормозил и, подняв очки на лоб, улыбнулся стрелку. Когда хотел – а сейчас такое желание присутствовало, – он умел улыбаться очень красноречиво. Эскалации конфликта удалось избежать: ствол убрался, окно закрылось; Кошевой вернул на место очки, оттолкнулся от мостовой носком правого сапога, и «мерседес» с вооруженным неврастеником на заднем сиденье остался позади.

В свое время судьба вдоволь покуражилась над Кошевым и теперь вела себя вполне прилично, видимо устав испытывать его на прочность. Неприятности, большинство которых он наживал сам, нынче обходили его стороной, а если и задевали, так только слегка, самым краешком. Кошевой считал себя счастливым человеком, потому что, несмотря на специфику своей профессии, имел душевный покой и жил в мире и гармонии как с собой, так и с окружающей средой – естественно, настолько, насколько вообще возможно находиться в гармонии с городом-героем Москвой и оставаться при этом нормальным, вменяемым человеком. Он с детства отличался общительностью и до сих пор любил заводить новые знакомства – опять же несмотря на специфику профессии. Когда его спрашивали, кто он по специальности, Кошевой отвечал: «Филолог». Как правило, ему не верили; забавный парадокс заключался в том, что это была чистая правда. Он действительно окончил филфак МГУ и до сих пор время от времени доставал из ящика стола свой диплом, чтобы сдуть с него пыль и с чуточку грустной улыбкой полюбоваться оценочным листом.

Кошевой ценил свою специальность – в частности, потому, что именно она позволяла ему ловко уклоняться от разговоров о профессии. Современники в подавляющем большинстве не слишком сведущи в тонкостях великого и могучего русского языка. И очень многие – Кошевой раньше даже не подозревал, как их на самом деле много, – желая выглядеть интеллигентными и образованными, вместо простого и однозначного вопроса «Кем ты работаешь?» задавали вот этот: «А кто ты по специальности?», тем самым вручая собеседнику щит от собственного любопытства. Потому что специальность и профессия – это, как говорят в Одессе,

две большие разницы. Не то чтобы Дмитрий Кошевой стеснялся своей профессии; просто она, мягко говоря, не располагала к откровенности.

Правда, горячо им любимые и глубоко уважаемые классики русской литературы не одобряли его профессию и косвенно намекали, что человек с нормальной психикой такой работой заниматься не станет. А если все-таки станет – например, в силу непреодолимых жизненных обстоятельств, – то в два счета расстанется со своей нормальностью и превратится в законченного психа. Тут Кошевой готов был с ними поспорить. Во-первых, они, классики, ни черта не смыслили в реальной жизни, а во-вторых, сами сплошь и рядом были те еще чудачки. Одно слово – баре, что с них возьмешь? Сидели в своих имениях, почесывали поясницу и, возведя очи горе, сочиняли, как оно все должно быть. Сочинения их хороши, с какой стороны ни глянь; по ним можно и должно учиться русскому языку, но учиться по ним жить – это, детишки, смерти подобно. Потому что разница между тем, что должно быть, и тем, что есть, еще больше, чем между профессией и специальностью.

Благополучно выцарапавшись из удушающих объятий пробки, он проскочил мимо ВДНХ, свернул на Останкинскую и погнал своего стального коня в сторону телецентра, ориентируясь на вонзающийся в белесое, мутное от смога, пышущее зноем московское небо кажущийся издали голубоватым железобетонный шпиль. Время поджимало, и он ехал быстро, давая выход накопившемуся раздражению путем рискованных маневров. Он не любил работать так, как сейчас – по срочному вызову, с бухты-барахты, без какой-либо подготовки. Понимая, что требует почти невозможного, заказчик расщедрился на оплату по двойному тарифу. Считать деньги Кошевой перестал давным-давно, но согласился: во-первых, для поддержания своего профессионального статуса, а во-вторых, заказчик был не из тех, кого можно запросто, не опасаясь последствий, послать в произвольном направлении.

Приблизившись к зданию телецентра, он сбросил скорость и медленно проехал мимо гостевой стоянки. Машин на стоянке, как обычно, было довольно много, но Кошевой почти сразу рассмотрел сильно подержанную вишневою «субару». Машина, судя по всему, была именно та, которую описывал курьер: без заднего бампера и с солидной вмятиной на багажнике, повторявшей очертания чьего-то капота. «Субару» стояла с краю, в ближнем к дороге ряду, так что Кошевой мог, не заезжая на стоянку, рассмотреть засунутую изнутри под резиновый уплотнитель заднего стекла пластину регистрационного знака. Номер на знаке был тот самый, который назвал около часа назад курьер. Сие было весьма утешительно, поелику означало, что Кошевой не опоздал и что пресловутых осложнений, таким образом, можно не опасаться.

Отъехав на расстояние, исключавшее возможность попадания в поле зрения объективов следящих видеокамер, он остановил мотоцикл, выключил двигатель и, поставив байк на упор, закурил. Он сидел на мотоцикле боком, спиной к дороге, любуясь бороздящими зеленоватую гладь пруда утками – так, по крайней мере, должно было казаться со стороны. На самом деле его взгляд был прикован к боковому зеркалу на руле мотоцикла, который (руль, разумеется, а не мотоцикл) будто бы невзначай был свернут на сторону таким образом, что зеркало отражало выезд с гостевой стоянки телецентра.

Было время, когда подобные фокусы казались ему чуть ли не невозможными – если не вымыслом специализирующихся на детективной белиберде писак, то, как минимум, делом прошедших специальную подготовку профессионалов. На деле, как это чаще всего и бывает, все оказалось намного проще: достаточно просто попасть в нужную струю, и течение само понесет тебя вперед. Соответствующие знания и навыки, если ты не полная бестолочь, появятся словно бы сами собой, по ходу движения, и со временем, притом довольно скоро, ты обнаружишь, что незаметно для себя превратился в этого самого профессионала со специальной подготовкой и – ах да! – с дипломом выпускника филфака в ящике письменного стола...

В зеркале, из-за наклона руля превращавшем ровную дорогу в крутой косогор, показался запыленный вишневый борт с характерной серебристо-серой отделкой понизу – «субару» выехала со стоянки. Ее владелец, сам того не подозревая, покидал не только телецентр. Располагая Кошевой свободным временем, он охотно пофилософствовал бы на эту тему, но времени не было. Да и толку от его философствований – так же, впрочем, как и от любых других – не предвиделось никакого. Жизнь по сути своей проста и состоит из незамысловатых, понятных всем и каждому вещей и явлений. А сложной она порой кажется именно потому, что люди слишком много болтают, упиваясь звуками собственного голоса и превращая запудривание мозгов окружающим в профессию, приносящую твердый доход.

Кошевой надел похожий на каску американского солдата матово-черный шлем и опустил на лицо очки-консервы. Когда он перекидывал ногу в пыльном тяжелом сапоге через седло, «субару», набирая скорость, проехала мимо. Ее глушитель, если таковой вообще существовал, требовал ремонта, а еще лучше – замены, о чем свидетельствовали издаваемый машиной плотный рев и волочащийся за ней шлейф густого сизого дыма. Кошевой пнул стартер, снял мотоцикл с подножки и, дав кроссоверу отъехать подальше, аккуратно тронул мотоцикл с места.

Миром правит случай. Те, кого он по собственной прихоти наделяет полномочиями своих заместителей, наивно полагают, что держат бразды правления, но на деле они управляют развитием событий примерно так же, как пятилетний малыш управляет движением машинки на карусели, вертя игрушечный руль и делая губами: «др-р-р-р!». Что же до людей, далеких от верхушки социальной пирамиды, то они вообще ничем не управляют, и менее всего – собственной судьбой. Жизнь вертит их, как щепки в водовороте, несет, куда ей заблагорассудится, и иногда выносит в места, где им вовсе не следовало оказываться. Человек случайно попадает не в то место и не в то время, видит то, чего не должен был видеть, и делает из увиденного неправильные выводы, принимая самое большое в своей жизни невезение за великую, невиданную удачу. Основываясь на этой заведомо ложной предпосылке, он начинает действовать, и с этого мгновения никакой случайностью в его судьбе уже не пахнет: в силу вступает беспощадный закон паучьей сети, в которую неосмотрительно влетел легкомысленный мотылек. Производимые его барахтаньем колебания достигают центра паутины, и в результате бедняга имеет то, что имеет: перекресток, красный свет и остановившийся рядом броский, сверкающий хромированными деталями «чоппер», не вызывающий у него ничего, кроме вялого мимолетного любопытства.

Кошевой снял с руля левую руку и запустил ее за лацкан своей мотоциклетной кожанки. В боку куртки имелось круглое, обведенное колечком блестящего металла отверстие, которое со стороны можно было принять за вентиляционное – правда, непривычно большое. Сейчас оттуда высунулся кончик какого-то тускло-черного цилиндрического предмета, в торце которого тоже имелось отверстие. На глаз диаметр его составлял что-то около сантиметра; если быть точным, он равнялся девяти миллиметрам.

Демонстрируя упомянутое выше любопытство, водитель вишневой «субару» повернул голову и посмотрел на Кошевого и его мотоцикл сквозь темные стекла фанфаронских, на пол-лица, солнцезащитных очков в широкой пластмассовой оправе. На голове у него сидела ярко-красная бейсбольная кепка с броской белой надписью по-английски: «Поцелуй меня в зад»; физиономию, в натуре оказавшуюся еще более отвратной, чем на предьявленной курьером фотографии, обрамляли любовно ухоженные рыжеватые бакенбарды – деталь, неизменно производившая на Кошевого самое отталкивающее впечатление. Впрочем, окажись данный конкретный субъект писанным красавцем, звездой телеэкрана или даже живым классиком отечественной культуры, это бы ровным счетом ничего не изменило. Дмитрий Кошевой действительно был общителен и любил заводить новые знакомства, но это вовсе не означало, что он любит людей как таковых. Его общительность имела с человеколюбием столько же общего, сколько полученный когда-то диплом филолога – с его настоящей профессией, суть которой

сводилась к посильному сокращению обитающей на планете Земля популяции homo sapiens. Эта работа однажды нашла его сама, но Кошевой ее любил (в отличие от человечества) и искренне считал полезной.

Кроме того, он был профессионал и принял заказ, что автоматически лишало его возможности переменить решение – так же как ее лишен человек, шагнувший в пустоту с края крыши.

Взгляд человека в бейсболке с хамской надписью скользнул по мотоциклу и естественным путем перекинулся на колоритную фигуру байкера – высокие ботинки со шнуровкой до середины голени и окованными носами, отягощенную множеством «молний» и заклепок куртку с бахромой на рукавах и пришипленным к плечу лисьим хвостом, рассыпавшуюся по спине гриву тронутых сединой волос, шлем, смахивающий на каску немецко-фашистского оккупанта, очки-консервы и так далее... Глаз его Кошевой не видел за солнцезащитными очками а-ля Элвис Пресли, но четко засек момент, когда обладатель рыжеватых бакенбард увидел торчащий из дыры в поле куртки глушитель. Дав этому козлу секунду на осознание того факта, что минуту назад он уехал не только из Останкино, но и из жизни, владелец модного стрелкового клуба «В. Телль & Сыновья» спустил курок.

Пистолет почти неслышно хлопнул, коротко толкнувшись в ладонь, горячая гильза беззвучно упала во внутренний карман кожанки. Все произошло совершенно незаметно для окружающих. Водитель «субару» откинулся на спинку сиденья, уронив на плечо простреленную голову; на светофоре сменился сигнал, Кошевой оттолкнулся ногой от асфальта и повернул рукоятку газа. Проезжая перекресток, он услышал за спиной раздраженное нытье сигналов: водители машин, остановившихся у светофора за вишневым «субару», негодовали на раззяву, проспавшего зеленый.

Оставив позади нарождающуюся прямо на глазах пробку, снайпер с высшим филологическим образованием поддал газу и направился домой, в клуб. По дороге он сделал короткую остановку на мосту.

– Только друг в друга не стреляйте, – сказал он, обращаясь к рыбам и глядя на расходящиеся по воде круги. – Вас и так раз-два и обчелся. Тренируйтесь лучше на рыбаках.

4

– Глист...

– Мне не нравится это слово!

Это прозвучало достаточно резко, чтобы даже самый толстокожий собеседник вник в суть претензии и внял прозвучавшему пожеланию держать себя в рамках пристойности. Для Андрея Липского это заявление также послужило свидетельством владеющего Мартой дурного настроения и ее принципиального нежелания с оным бороться. Держать себя в руках она, известный столичный адвокат, умела превосходно и, если давала волю эмоциям, наверняка делала это намеренно – надо понимать, в расчете на то, что Андрей, убоявшись ее гнева, быстро замнет скользкую тему.

За годы супружества Андрей успел изучить ее гнев во всех проявлениях и действительно его побаивался – впрочем, не настолько, чтобы отклониться от избранного курса. Жизнь представляет собой бесконечную череду выборов, и выбирать сплошь и рядом приходится не большее из двух благ, а меньшее из целого вороха зол. Кроме того, они находились в людном месте, а это позволяло надеяться, что до крайних проявлений гнева наподобие битья посуды и порчи эпителителя дело на этот раз не дойдет.

– Скопцов, – послушно поправился он. – Или, если хочешь, Соколов-Никольский.

– Это слишком длинно и вычурно, – объявила Марта. – И вообще, я не желаю ничего слышать об этом слизняке.

– О покойнике либо хорошо, либо ничего, – напомнил Андрей.

– Скажи это историкам, – хладнокровно парировала Марта. – А еще лучше – себе. Ты ведь тоже пропахал довольно глубокую борозду на ниве описания преступлений сталинских палачей. Заметь, покойных. Да и не только их. Вспомни хотя бы серию опусов о золоте партии!

– Истина выше традиций и предрассудков, – предпринял слабую попытку сопротивления Липский.

– Вот то-то и оно, – спокойно добила его Марта. – А истина проста и известна нам обоим: он был слизняк. И умер, как слизняк: заполз, куда не следовало, вот его и растоптали. По крайней мере, я так предполагаю. Да нет, я в этом уверена! Потому что он шел к этому всю свою сознательную жизнь. Нельзя умереть своей смертью, постоянно из принципа перебегая Новый Арбат на красный свет... Не понимаю, зачем тебе понадобилось говорить о нем за столом. Ты что, без денег? Не пытайся сэкономить таким путем, лучше скажи прямо, я расплачусь сама...

Андрей улыбнулся, хотя испытываемые им в данный момент чувства были весьма далеки от веселья.

– Что? – держа на весу вилку, настороженно спросила Марта. – Что ты скалишься, Липский? Только не говори, что раскошелился на обед в дорогом ресторане исключительно ради того, чтобы поговорить о Скопцове!

Андрей молча развел руками, стараясь не обращать внимания на компанию подвыпивших кавказцев, которые откровенно пялились на Марту, вслух обмениваясь замечаниями по поводу ее внешности. Замечания балансировали на грани непристойности и явно были готовы перейти эту грань в любой момент, а их авторы пребывали в расцвете сил, причем как минимум двое сильно смахивали на профессиональных спортсменов.

Разумеется, при желании Марта могла засудить их всем скопом – хоть оптом, хоть в розницу, – но, во-первых, постфактум, а во-вторых... Во-вторых, Андрей просто ненавидел чувствовать себя ущемленным, бессильным и неспособным на такой простой, естественный мужской поступок, как защита чести и достоинства близкой ему женщины. То есть на поступок как таковой он был-таки способен, но вот эффект обещал стать довольно жалким – размажут по полу, разотрут, как соплю, вот тебе и весь эффект.

Давайте, подумал Андрей, разрезая отбивную. Давайте-давайте, упрекайте меня в шовинизме, говорите о всеобщем равенстве и братстве – ну, или, как минимум, о толерантности и необходимости соблюдения политкорректности. Давайте, начинайте! Я даже с вами согласюсь – пусть не во всем, но во многом. Хотелось бы согласиться по всем пунктам, но пока что-то не получается. Согласен, тупого, наглого быдла хватает среди представителей любой народности, и в Москве его проживает не меньше, а намного больше, чем где бы то ни было. Но! Заметьте, господа: коренное русское быдло сидит себе в своих Бутово и Марьино, дорогие кабаки ему не по карману. А эти – вот они, голубчики, любуйтесь! И самое обидное, что быдлом их с чистой совестью не назовешь. Независимо от наличия или отсутствия энного количества высших образований, у себя дома каждый из них – образец воспитанности и хороших манер. А здесь они ведут себя как оккупанты, каковыми, в сущности, и являются. Вот вам, кстати, еще один парадокс современности: все уверены, что война идет на их территории, а оккупированы на самом деле мы. Ясно, что не они это начали, так ведь и не мы! Я лично ни на чью территорию войска не вводил, а разбираться с этими крепышами, похоже, все-таки придется именно мне. И что прикажете делать? Молчите? Так я вам скажу. Пырну вилкой в яйца, а потом пускай убивают на здоровье. Неполиткорректно и где-то даже не по-мужски, зато хотя бы у одного и хотя бы на время пройдет охота принародно обсуждать чужих женщин, как привокзальных шлюх...

– Андрюша, – неожиданно мягко, почти просительно окликнула его Марта, – не надо так смотреть. Ты же их провоцируешь! Не волнуйся, у меня есть газовый баллончик...

– Ты сама-то хоть поняла, что только что сказала? – с горечью спросил Андрей, отводя взгляд от компании за угловым столиком. – Эмансипация эмансипацией, а за такие слова недолго схлопотать иск об оскорблении чести и достоинства.

– Такие дела – моя специальность, – сообщила Марта. – Так что дерзай.

– И это жизнь?! Уйду в монастырь. Или лягу в больницу.

– В психиатрическую?

– Я еще не решил. Возможно, но, скорее всего, в какую-то другую. Собственно, к этому и сводится суть дела, по которому я осмелился тебя побеспокоить. Мне нужны твои связи и твоя пробивная сила, чтобы занять койко-место в одной из московских клиник.

– Что с тобой?

В голосе Марты явственно прозвучали тревога и искренняя озабоченность. Андрея это не удивило: он знал, что Марта до сих пор его любит – очень по-своему, но любит. Именно из-за форм, которые порой принимала ее любовь, они и расстались: Андрею не нравилось чувствовать себя любимой вещью или домашним питомцем – обласканным, ухоженным, но не имеющим права голоса. При слове «клиника» в Марте будто включилась какая-то изначально заложенная в нее программа, и сейчас она наверняка перебирала в уме имена светил отечественной медицины, к которым могла обратиться, не рискуя нарваться на более или менее вежливый отказ.

– Ничего, – сказал он, после секундного колебания отбросив заманчивую идею что-нибудь наврать. С кем-то другим этот номер мог бы пройти, но Марта распознавала ложь не то что с первого слова, а буквально с первого звука – едва ли не раньше, чем собеседник успевал заговорить. Адвокатура была не просто ее хлебом, а плотью и кровью, основой ее существования, и Андрей давным-давно, еще на ранней стадии ухаживания, понял, что обмануть или как-то иначе переиграть эту женщину – задачка, заведомо превышающая предел его скромных возможностей. – Со мной все в порядке, – продолжал он. – Просто наклюнулась тема.

– Подумываешь вывести на чистую воду изуверов в белых халатах, разбирающих своих пациентов на донорские органы? – с иронией поинтересовалась миглом успокоившаяся Марта. Она действительно успокоилась в мгновение ока, поскольку была уверена в себе и точно знала, что бывший муж не настолько выжил из ума, чтобы пытаться ее обмануть.

– Соколов-Никольский, – возвращаясь к исходной точке, сказал Андрей. – Он же Скопцов, он же... гм... ну, ты в курсе.

Один из сидевших за угловым столиком кавказцев что-то громко сказал на своем наречии, остальные рассмеялись – тоже громко, так, что на какое-то время заглушили струнный квартет, который, отработывая немалый гонорар, старательно пикировал в углу что-то утонченно-классическое.

– Ну? – сказала Марта с едва заметной гримаской, означавшей у нее крайнюю степень недовольства.

– Тема, – из последних сил стараясь не смотреть в веселый угол, повторил Андрей. На всякий случай он даже положил нож и вилку, но это не очень-то помогло: освободившиеся руки мгновенно сжались в кулаки, которые пришлось спрятать под стол. – Ты знаешь, что нашего приятеля убили. Знаешь, где, когда и при каких обстоятельствах это произошло. А мне кажется, что я знаю, ПОЧЕМУ это случилось. И, поверь, ревнивцы, значащиеся в рейтинге журнала «Форбс», тут ни при чем. Похоже, этот болван набрел на настоящую новость и не сумел правильно ею распорядиться.

– Только не говори, что перед смертью он успел поделиться этой новостью с тобой, – попросила Марта.

– Увы, – сказал Андрей. – Его застрелили через семь минут после того, как мы расстались. Это случилось менее чем в километре от Останкинского телецентра, в кафетерии которого

произошла наша нечаянная встреча. Что, по моему твердому убеждению, свидетельствует об одном: на этот раз, как ни странно это прозвучит, он не соврал и даже не ошибся.

– И ты не придумал ничего умнее, как поделиться этой новостью со мной, – после секундного раздумья подвела итог Марта. – Что ж, надо отдать должное твоей изобретательности: ты придумал недурной способ избавиться от бывшей жены, не запачкав рук. Со временем он войдет в анналы юриспруденции. В общем, о твоих похоронах я обещаю позаботиться. А ты ничего не обещаешь: в этом смысле от тебя толку мало.

– В данном случае твой сарказм бьет мимо цели, – светским тоном сообщил Андрей. – Если кто-то заподозрит, что Г... что Скопцов поделился со мной информацией, и решит меня убрать, ты оказываешься следующей на очереди автоматически – просто потому, что была за мной замужем, умна, представляешь собой определенную величину в твоей любимой юриспруденции, а главное, имела неосторожность сохранить со мной приятельские отношения. Но я смею надеяться, что до этого не дойдет: даже самый последний параноик не заподозрил бы нашего дорогого покойника в том, что он может бесплатно слить кому-то информацию, которая представляет хоть какую-то ценность. Да что там ценность! Ты ведь его знала, он был из тех типов, что норовят содрать деньги даже с кассирши в платном общественном туалете.

– Но тебе он тем не менее ее слил, – полувопросительно сказала Марта.

– Это потому, что я, как и ты, себя не на помойке нашел, – проинформировал ее Липский. – Слил... С таким же успехом можно утверждать, что фермерская корова добровольно сливает доярке молоко.

Официант принес заказанный Мартой капучино. Опуская на стол фарфоровую чашку с шапкой молочной пены, он косился в занятый кавказцами угол так же, как, должно быть, косилась проживавшая в конце позапрошлого века извозчицья лошадь на первый в городе автомобиль. Косой взгляд, украдкой брошенный им на Андрея, был полон сочувствия и жалости; подавив неразумное желание выместить свое дурное настроение на этом ни в чем не повинном халдее, Липский вынул сигареты и закурил.

– Хорошо, – потянувшись к его пачке, сказала Марта, – рассказывай. Все равно ведь не отстанешь.

– Ни за что, – сказал он, поднося ей зажигалку. – Даже если ты оплатишь счет из своего кармана.

– Размечтался, – сказала она. – Где ты видишь карман?

Это была правда: строгий деловой костюм, идеально облегающий фигуру и без видимой необходимости подчеркивавший сексуальность хозяйки, действительно не имел ни одного кармана, в котором могла бы поместиться хотя бы монета рублевого достоинства.

– Тем более, – с улыбкой сказал Андрей.

5

Краешком глаза он зафиксировал только что вошедшего в ресторан нового посетителя. Посетитель являл собой весьма колоритную и явно не вписывающуюся в интерьер дорогого, претендующего на элитарность столичного шалмана фигуру. Высоченный, плечистый, он с головы до ног был затянут в матово-черную, изобилующую блестящими застежками и заклепками натуральную кожу. По плечам мотоциклетной кожанки свободно разметалась обильно посеребренная сединой густая львиная грива; с левого плеча, довершая образ законной жертвы активистов общества защиты животных, свисал пушистый лисий хвост, к нижней губе прилип слабо дымящийся окурок тонкой коричневой сигариллы. Оставалось только гадать, каким образом этот динозавр прошел фейс-контроль; впрочем, судя по тому, как засуетился вокруг него метрдотель, седеющий звероящер относился к числу здешних завсегдатаев. Андрея это

удивило, но не слишком: он знал чудаков, приезжавших на мотоцикле на заседания Государственной думы.

– Так вот, – сказал Андрей, – если вернуться к нашим баранам, известный тебе гельминт был по-настоящему талантлив – конечно, очень по-своему, но бесспорно талантлив.

– Быть гельминтом – это уже талант, – брезгливо поморщившись, сказала Марта. – Такое не каждому дано.

– Я имел в виду другое, – сказал Андрей. – У него был талант оказываться там и тогда, где и когда его меньше всего ждали. Не проникать, не пролезать и не просачиваться – хотя этим он, как всякий папарацци, тоже грешил, – а вот именно оказываться. Случайно оказываться, без цели и умысла. Ехал себе человек домой с очередной съемки, и вдруг – р-раз! – прямо перед ним тормозит черная «бэха», в смысле «БМВ». Причем тормозит так, что ему во избежание аварии приходится жать на тормоз обеими ногами. В результате едущая следом «калина» вдавливается ему в багажник; пока участники ДТП орут и размахивают руками, подъезжает «скорая», и из «бэхи» выгружают пассажира, которому по дороге стало, мягко говоря, нехорошо. На подобные вещи наш бывший знакомый реагирует однозначно: перестав замечать прыгающего вокруг водителя «калины», хватается фотоаппарат и начинает щелкать затвором – просто так, на всякий случай...

– Короче, – перебила его Марта, – кого этот болван ухитрился сфотографировать?

– Судя по всему, не кого иного, как Французова, – сказал Андрей. – Помнишь слухи о его возвращении? Судя по всему, они были не так уж и преувеличены.

– И?..

– Я видел фотографию, запомнил номер «скорой» и, следовательно, могу выяснить, куда его отвезли. Полагаю, его палата охраняется не хуже Алмазного фонда, но мне необходимо туда попасть, потому что это – ТЕМА.

– Забудь, – просто сказала Марта.

– О'кей, – так же просто и буднично откликнулся Липский. – Тогда я займусь этим сам. Но в этом случае, боюсь, тебе придется выцарапывать меня из внутренней тюрьмы Лубянки...

– Она давно закрыта, – просветила его Марта.

– Вот заодно и проверим, – ухмыльнулся Андрей.

С этого мгновения лотерея сделалась беспроигрышной: редкий отморозок останется безучастным, видя, как его любимый хомячок пробует на вкус находящийся под напряжением высоковольтный кабель. Липский понимал, что играет не совсем честно, но шансов на победу в честном бою против Марты просто не существовало. Да и о каких правилах игры можно говорить, когда имеешь дело с успешным – а стало быть, прожженным насквозь, до дыр, – адвокатом?!

– Послушай, – просительно произнесла Марта, – тебе что, это действительно так нужно?

– Нужно, не нужно... – хмыкнул Андрей. – Ты неправильно ставишь вопрос. Речь не о целесообразности, как в случае с экстренной операцией по удалению аппендикса или ремонтом тормозов в машине. Но, поверь, и не о прихоти. Просто это моя работа – раскапывать то, что другие закопали, и выставлять на обозрение широкой общественности. А общественность пусть сама решает, нужно ей это или не нужно. Новости – это то, что от нас скрывают, все остальное – реклама.

– Гашек? – спросила Марта.

– Не помню. Кажется, да... Так ты поможешь?

– Не знаю. Попытаться можно, но за успех не ручаюсь. Я ведь простой адвокат, а тут нужен волшебник. Кроме того, это может быть опасно.

– Чепуха! – отмахнулся Андрей. – Я же не собираюсь его похищать. Мне нужно всего-навсего одно коротенькое интервью – такое ма-а-ахонькое, эксклюзивненькое... Ты пойми, это же мечта любого настоящего журналиста: никто не смог, а я сделал, ни у кого нет, а у меня

есть! Исповедь беглого олигарха – это тебе не всенародное сюсюканье вокруг девочки по имени Алла-Виктория.

– Ох, допрыгаешься, – мрачно предрекла Марта.

– Непременно, – согласился Андрей. – Но не в этот раз. Особенно если ты приложишь руку. Она у тебя легкая, я помню. Жалко, что ты не журналистка. Работая в паре, мы бы давно открыли собственное издание, а то и новостное агентство.

– Заткнули бы за пояс «Таймс», ТАСС и Би-би-си и гребли деньги лопатой, – иронически подсказала Марта.

– Вот именно. Кстати, о деньгах. Они наверняка понадобятся: не подмажешь – не поедешь. Звони, как только появится какая-то определенность, и я их мигом доставлю: сколько скажешь, столько и привезу.

– Коррупционер, – вздохнула Марта. – Злостный взяточдатель.

– И еще симулянт, – добавил Липский. – Надо выдумать себе какой-нибудь диагноз... А впрочем, чего я парюсь? Сначала надо узнать, где и с каким диагнозом лежит Французов, и договориться с заведующим. А что написать в моей карточке, пускай он сам думает – за что, в конце концов, я собираюсь платить?

– У тебя, я вижу, все уже решено, – заметила Марта.

Андрей хотел ответить, но ему помешала лезгинка, которую вдруг врезал – не заиграл, а вот именно врезал и где-то даже вжарил – струнный квартет. Судя по энтузиазму, с которым трое мужчин во фраках и немолодая виолончелистка в концертном платье переключились с Вивальди на эту популярную в известном регионе мелодию, сорить деньгами в этом заведении умел не только свободный журналист Липский.

Кавказец, только что активно поспособствовавший обновлению слишком, по его мнению, однообразного и скучного репертуара здешних лабухов, уже направлялся к столику, за которым сидели Марта и Андрей. Он был среднего роста, ладно скроенный и крепко сбитый; ширина покатых плеч, распиравшие рукава внушительные бицепсы, могучий загривок, приплюснутые уши и заметно искривленный нос прозрачно намекали, что их владелец с детства подвизался в виде спорта чуточку более подвижном, чем шахматы. При взгляде на его тяжелую, заросшую густой черной щетиной челюсть у Липского заныли костяшки пальцев на правой руке. Впрочем, он тут же сообразил, что костяшки ноют напрасно: чтобы их ушибить, нужно нанести удар, а такая возможность ему вряд ли представится.

Оставшиеся за столиком кавказцы с интересом наблюдали за действиями земляка, намерения которого были так же ясны, как если бы он потрудились изложить их на бумаге и переслать Андрею с официантом.

– Спокойно, – вполголоса сказала Марта.

– А кто волнуется? – ответил Андрей. – Наоборот, все складывается очень удачно: по крайней мере, не придется придумывать диагноз. Пара-тройка переломов, ушибы внутренних органов, небольшое сотрясение мозга – отличный универсальный набор, с которым не примут разве что в пульмонологию.

– Дурак, – сказала Марта и замолчала, поскольку кавказец был уже тут как тут.

Вблизи от него крепко пахло дорогим одеколоном, сигаретным дымом и коньяком. Одет он был дорого, с иголки, но безвкусно, грудь имел выпуклую, живот плоский и производил труднообъяснимое, но яркое впечатление каменной твердости: ударь такого ломом – если не погнется, то отскочит.

– Потанцуем, красивая? – даже не взглянув на Андрея, обратился он к Марте.

– Благодарю, – с вежливой улыбкой ответила она, – я не танцую.

– Тогда прошу за наш столик, – непринужденно опершись рукой о спинку стула, на котором сидел Липский, продолжил наступательную операцию кавказец. – Вино, шашлык, фрукты, хорошая компания...

– Благодарю, – уже без улыбки повторила Марта, – у меня уже есть компания, и она меня вполне устраивает.

– Брось ломаться, пойдем со мной, не пожалеешь! Дома перед мамой будешь девочку строить, а мы взрослые люди – знаем, что женщине надо...

– Женщине надо, чтобы ты закрыл рот и вернулся на место, – металлическим голосом произнес Андрей.

Он начал вставать, но рука кавказца, мигом переместившись со спинки стула на его плечо, в зародыше пресекла это поползновение.

– Что хочешь, э? – с удивлением, будто только теперь заметив, что за столиком, помимо Марты, еще кто-то есть, поинтересовался галантный ухажер. – Тебя не трогают, ты не встревай – сиди, кушай, выпивай потихонечку, не мешай людям отдыхать!

Сбросив с плеча его руку, Андрей резко поднялся. Он всей душой ненавидел подобные моменты, а они, как назло, в последнее время выпадали на его долю все чаще, как будто судьба, спохватившись, спешила наверстать упущенное и, не скупясь, отсыпает ему все пинки и зуботычины, которые, по ее мнению, он недополучил в школьные годы.

– Что? – с пренебрежительным участием спросил кавказец. – Драться хочешь? Храбрый, да? Лучше сядь, дорогой, а то сделаю больно!

В этом Андрей не сомневался, как и в том, что охрана подоспеет, когда будет уже поздно. Собственно, рассчитывать на помощь охраны не приходилось: кавказцев было шесть человек, а охранник, выглядевший в своем тирольском наряде дурак дураком, пребывал в гордом одиночестве да к тому же торчал на улице, заманивая клиентов. Заведение называлось «Папа Телль»; на стенах было полно арбалетов, выглядевших, как настоящие музейные экспонаты, колчанов со стрелами, тирольских шляп с перышками, оленьих рогов, птичьих чучел, ягдташей и прочей охотничьей экзотики. В простенке в трех шагах от Андрея была укреплена большая круглая мишень, поперек которой висела старинного вида двустволка с резной ложей и покрытым сложной гравировкой казенником. Горько сожалел о том, что ружье наверняка бутфорское, Липский приготовился к неизбежному, и тут ритмичный визг лезгинки вдруг оборвался – резко, на середине такта, как будто кто-то выключил музыкантов, как радио, подкравшись сзади и без предупреждения выдернув шнур из розетки.

– Э! – возмущенно воскликнул противник Андрея, недовольный исчезновением милого его сердцу шумового фона, и обернулся к музыкантам: – Что такое, слушай! Музыку давай!

– Эту музыку ты будешь слушать у себя в шашлычной, – послышался незнакомый Андрею мужской голос. Он звучал спокойно, даже лениво; человек говорил, не напрягая связок, но слышно его было превосходно. – Куда сейчас и направишься со всей возможной скоростью.

За этой короткой, но содержательной тирадой послышался маслянистый металлический щелчок. Обернувшись на звук, Андрей слегка оторопел: давешний байкер с лисьим хвостом на куртке, о котором он, грешным делом, напрочь позабыл, стоял около столика с недопитым бокалом пива посередине и целился в его визави из громадного, сверкающего полированной нержавеющей сталью револьвера. Револьвер действительно имел чудовищные габариты: его хозяин был весьма крупный мужчина, но даже в его руке эта штукавина выглядела громоздкой, а черная дыра дула напоминала устье железнодорожного тоннеля.

– Если кто не в курсе, это «смит-вессон», модель двадцать девять, – сообщил оторопевшей публике байкер. – Самый мощный из существующих револьверов, калибр – сорок четыре сотых дюйма. В оружейных лавках его часто рекламируют как вспомогательное оружие при охоте на крупного зверя, потому что эта цапка может остановить бешеного носорога. Есть желающие поиграть в сафари? Нет? Тогда все свободны. Благодарю за внимание. Да, и не забудьте расплатиться. Официант, принесите гостям столицы счет, да поскорее – они торопятся.

«Час от часу не легче, – подумал Андрей, глядя, как одетый в матово-черную кожу здоровяк, позвякивая многочисленными пряжками, направляется к их с Мартой столику. – Мало мне было джигитов, так теперь еще и псих с револьвером...»

Упомянутых джигитов уже и след простыл – они ретировались, торопливо сунув официанту солидную стопку разноцветных бумажек. Судя по блудливой ухмылке официанта, о недостатке в данном случае говорить не приходилось.

Байкер убрал с глаз долой свою карманную гаубицу, едва заметно кивнул музыкантам и протянул Андрею освободившуюся руку. Четыре смычка коснулись струн, воздух едва ощутимо завибрировал, наполняясь волшебными звуками.

– Дмитрий Кошевой, – представился байкер и, повернувшись к Марте, сверкнул короткой располагающей улыбкой. – Надеюсь, я не слишком сильно вас напугал?

– Нисколько, – с ответной улыбкой заверила Марта. – Впечатлили – это да. Такое увидишь не каждый день даже в Москве.

– И напрасно, – объявил Кошевой. – Потому что вот такое, – он указал подбородком в сторону закрывшейся за кавказцами двери, – нынче наблюдается с удручающей регулярностью. Особенно в Москве.

– Спасибо, – с чувством сказал Андрей. – Терпеть не могу драться, особенно при нулевых шансах.

– Пустяки, – снова улыбнулся Кошевой. – А шансов действительно не было. Двое из них профессиональные участники боев без правил. Тот, что к вам подходил, в прошлом году претендовал на звание чемпиона мира, но проиграл своему же земляку. Остальные – просто бандиты, но вам-то от этого не легче, если только вы не Рембо.

– Я не Рембо, – вздохнул Андрей, – я – журналист.

– Так мы же почти коллеги! – воскликнул Кошевой. – Вы не поверите, но я в свое время окончил филфак.

– Поверить действительно нелегко, – признался Андрей. – Может, вы еще и работаете по специальности?

– Люблю хорошего русского языка, – непонятно пробормотал Кошевой и рассмеялся. – Увы, нет. Видите, какой я крупный? Такие габариты требуют хорошей кормежки, а с русской словесности не разжиреешь. Я владею стрелковым клубом... ну и так, по мелочам. Вот вам моя визитка. Тут все – телефоны, адрес... Заходите как-нибудь, постреляем. Оружие на любой вкус, уютная комната отдыха, неплохой бар...

– Звучит заманчиво, – сказал Андрей. – В юности я занимался стрельбой...

– Правда? – обрадовался Кошевой. – Так это просто замечательно!

– «В. Телль и сыновья», – прочел тисненное золотом на матово-черном прямоугольнике визитки название клуба Андрей.

– Какие сыновья? – удивилась Марта. – Насколько я помню, у Вильгельма Телля был только один сын.

– Откуда вы знаете? – возразил Кошевой. – В легенде упоминается один, это верно. Но легенда – просто художественное произведение. В ней ничего не говорится ни о фрау Телль, ни о каких-либо других родственниках этого браконьера. И о том, сколько на самом деле у него было сыновей, в ней тоже не говорится. Как и о том, как долго и на ком он тренировался, прежде чем сумел попасть не в голову, а в яблоко.

Андрей, не удержавшись, довольно громко фыркнул. Несмотря на экстравагантную манеру одеваться и весьма сомнительную с точки зрения российского уголовного законодательства привычку таскать под мышкой самый мощный из существующих на планете револьверов, этот человек начинал ему нравиться, и симпатия крепла с каждой секундой. Марта всплеснула руками.

– Ну и шутки у вас! – воскликнула она. – Кстати, я придумала, как вас отблагодарить. Я практикующий адвокат, так что, если возникнут проблемы в связи с этим инцидентом, я постараюсь их уладить.

– Проблемы? – переспросил Кошевой таким тоном, словно впервые слышал это слово и даже не догадывался, что оно означает. – С чего бы вдруг? Ствол зарегистрирован по всем правилам, разрешение в полном порядке и даже не просрочено...

– Да, но размахивать оружием в общественном месте... Я понимаю, кавказцы вряд ли станут связываться с полицией. Но...

Марта красноречиво повела глазами в сторону занавеса из деревянных бус, за которым минуту назад скрылся официант.

Кошевой улыбнулся.

– Нет, с этим проблем не будет, – сказал он. – Потому что...

– Потому что это ваш ресторан, – сказал осененный неожиданной, но не сказать чтобы очень уж блестящей догадкой Андрей. – Это, как я понимаю, и называется «так, по мелочам».

– Среди всего прочего, – спокойно кивнул Кошевой и, обернувшись к музыкантам, слегка повысив голос, сказал: – Кстати, имейте в виду: еще раз услышу здесь лезгинку – отправитесь в концертное турне по подземным переходам!

6

– Недурно, – глядя на мишень в установленный на штативе мощный монокуляр, произнес Кошевой. – Восемьдесят четыре из девяноста – это очень недурно. Для первого раза, да еще из незнакомого оружия, просто отлично.

Андрей выщелкнул из рукоятки дымящегося парабеллума пустую обойму и дисциплинированно оттянул затвор, проверяя, нет ли в стволе патрона. В длинном бетонном подвале стрелкового тира знакомо и волнующе пахло пороховым дымом, под ногами позвякивали стреляные гильзы.

Вообще-то, без этого развлечения, как и без любого другого, вполне можно было обойтись, тем более что Андрей не разделял позаимствованной у пионеров американского Дикого Запада философии Кошевого, согласно которой равными людей сделала не Декларация о правах человека, а шестизарядный револьвер конструкции Сэмюэля Кольта. Но пишущему человеку, независимо от того, что именно он пишет – стихи, картины, статьи в блоге или рекламные слоганы, – необходимы новые впечатления. Это было единственное действенное лекарство от творческого ступора, которое знал Андрей, и он прибегал к нему, как только появлялась такая возможность.

Кроме того, как уже было сказано, Кошевой ему нравился.

– У тебя талант, – сообщил Кошевой. – Говорю тебе как специалист. Это дело необходимо обмыть.

Он достал из внутреннего кармана своей неизменной мотоциклетной кожанки никелированную флягу, выполненную в виде топливной канистры, открыл выдвижной ящик стола и с отчетливым стуком выставил оттуда две металлические стопки.

– Лица в нетрезвом виде в тир не допускаются, – укоризненно процитировал Андрей. – Написано прямо на двери, не веришь – проверь.

– А какой смысл быть хозяином, если не можешь нарушить правила, которые сам же и установил? – возразил Кошевой. – Кроме того, вошли-то мы сюда трезвыми! Нигде ведь не написано, что такими же надо и выходить... Кстати, это идея, – оживившись, добавил он. – Надо будет дописать: «И из тира не выпускаются». Вплоть до полного отрезвления. Так ты пить-то будешь?

– А что у тебя там?

- Два травоядных в одном флаконе: конь и як, – сообщил Кошевой.
- Это дело, – сказал Андрей. – Коньяк – напиток снайперов.
- Кто тебе сказал? – удивился Кошевой.
- Да прибилась как-то к нашей компании одна деваха, – пустился в воспоминания Липский. – Уж и не помню, каким ветром ее к нам занесло, да и неважно это, в самом-то деле. В общем, девица как девица – симпатичная такая, общительная, лет, наверное, двадцати семи или, может, восьми. Студентка. Или аспирантка, я так до конца и не понял. Вроде по физкультурному профилю.
- Гм, – сказал Кошевой, разливая по стопкам коньяк.
- То-то, что «гм». Я же журналист – спец по извлечению из людей информации. А тут, не поверишь, нашла коса на камень: ты ей слово – она тебе сто, и никакого толку. Текста море, а информации – ноль.
- Мутная девица, – поставил авторитетный диагноз Кошевой и ногтем подтолкнул к Андрею стопку.
- Мутнее некуда, – согласился Андрей. – Ну, сели мы как-то выпивать. А она то ли устала, то ли просто перебрала – словом, понесло ее. Поехали мы, говорит, с девчонками однажды на стрельбище...
- Студентки, – вставил Кошевой. – Физкультурницы.
- Так а я тебе о чем!.. Поехали на стрельбище, взяли коньяка – снайперы, говорит, исключительно коньяк употребляют...
- М-да, – сказал Кошевой.
- Больше я ее не видел, – закончил рассказ Андрей. – Испугалась, наверное, что лишнего наболтала. А может, уже и убили...
- Запросто, – кивнул Кошевой. – Нездоровое занятие – в людей стрелять, – добавил он со вздохом. – Особенно для женщин. Но – нужное. Увы, увы... Ладно! Раз снайперы себе позволяют, нам, грешным, сам Бог велел. Давай за все хорошее!
- Давай, – согласился Андрей.
- Они чокнулись и выпили.
- Хороший коньяк, – похвалил Липский. – Слушай, признайся: насчет филологического образования ты тогда загнул?
- В смысле приврал? А зачем, по-твоему, это могло мне понадобиться?
- Ну, я не знаю... Например, чтобы понравиться.
- Тебе?
- У меня с ориентацией все в порядке. Как, по-моему, и у тебя.
- А, вон ты о чем... – Кошевой усмехнулся. – Ты сам-то понял, что сказал? Хорошенький способ понравиться упакованной москвичке: наврать, что ты филолог!
- Пардон, – сказал Андрей. – Пожалуй, это не ты, а я загнул.
- То-то. И главное, непонятно, с какой целью.
- А что, если в интересах истины?
- Ни сна, ни отдыха измученной душе, – заметил Кошевой, снаряжая обойму «беретты». – Все трудишься, как пчелка, информацию сосеешь...
- Не такая ты большая птица, чтоб о тебе информацию собирать, – миролюбиво огрызнулся Андрей. – Просто интересно.
- Если интересно, тогда другое дело. – Кошевой ударом ладони загнал обойму в рукоятку и оттянул ствол, досылая патрон. – Я действительно окончил филфак, да не чего попало – самого, понимаешь ли, МГУ.
- Он вскинул руку и, почти не целясь, принялся палить в мишень – раз за разом, так густо, что Андрею почудились летящие от мишени клочья. Наклонившись, Липский посмотрел в монокуляр. Мишень была выполнена в виде человека с физиономией кинематографи-

ческого злодея, который целился в стрелка из большого черного револьвера. Нарисованные у него на животе концентрические окружности остались нетронутыми, зато в бумажном лбу зияла неровная дыра, края которой слегка вздрагивали после каждого выстрела. Потом затвор «беретты» клацнул вхолостую и заклинился в крайнем заднем положении, сигнализируя о том, что вместительный двухрядный магазин опустел. Кошевой с лязгом швырнул пистолет на обитую серым цинком поверхность стола и сунул в зубы тонкую коричневую сигариллу.

– Я даже в школе успел поработать, – сообщил он, прикуривая от бензиновой зажигалки. – Идеальный был, с принципами. Думал, что смогу изменить мир – хоть на капельку, хотя бы на мизерном участке... Короче, хотел сеять разумное, доброе и, сам понимаешь, вечное.

Он налил по второй и выпил залпом, забыв чокнуться. Было видно, что он говорит искренне и что эта тема до сих пор больно задевает его за живое.

– Помыкался с годик, – продолжал он, – думал, привыкну, полегчает. Не тут-то было! Гляжу: нет, мертвое дело, надо рвать когти, пока совсем не засосало. Историк у нас был, Владимир Яковлевич, фамилия – Клещ, представляешь? Худой, сутулый, зубы лошадиные, штаны на коленях пузырями, пиджак засаленный лоснится, и все плечи вечно в перхоти, как в снегу... Что же это, думаю, – и я через сколько-то там лет таким же стану?

– Понятно, – сказал Андрей и тоже выпил. – И начинанья, взнесшиеся мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия...

– ...And lost the name of action, – по-английски повторил последнюю строчку Кошевой и глубоко затянулся сигариллой. – Или loose? Черт, и это забыл... Да неважно! Но вот же человек! Жил чуть ли не в каменном веке, а как формулировал!

– Это Шекспир-то? – уточнил Андрей, ковыряясь согнутым пальцем в сигаретной пачке.

– Он самый.

– Да, Шекспир – это сила... А стрельба? Это у тебя откуда – из армии?

– В армии я был радистом, – отрицательно покачал головой Кошевой. – Морзянка, правила радиобмена... На стрельбище ездил всего два раза – первый раз три патрона потратил, второй – целых шесть. И все в молоко – автомат, что ли, попался непристрелянный... А со стрельбой вышло случайно. Один малолетний отморозок – тоже из этих, из граждан Российской Федерации известной национальности, – притащил в школу пневматический пистолет и начал им в соседа по парте тыкать прямо у меня на уроке. Пукалку я у него, конечно, конфисковал. Вечером дома наткнулся на нее в сумке и думаю: а дай попробую! Шарик у меня на нитке висел, остался с какого-то праздника. Ну, в шарик-то, думаю, я и с закрытыми глазами попаду, а вот в нитку – слабо?

– Ну, и?

– Ну, и попал. Решил, что просто повезло, начал экспериментировать... Во что только не стрелял! Помню, воробья на лету застрелил – до сих пор жалко, сил нет. Думал ведь, что не попаду, ан нет – попал. Ну, и понеслось... Залез в долги, открыл сначала тир, потом клуб...

– Везучий ты человек, – сказал Андрей. – Шел по проходу между партами и подобрал с пола свое призвание. Такая удача не каждому выпадает. Цени!

– Ценю, – серьезно сказал Кошевой и снова наполнил стопки. – Послушай, а эта женщина, с которой ты был...

– Моя бывшая жена, – сдержав понимающую ухмылку, сказал Андрей. Марта неизменно действовала на мужчин, как красная тряпка на быка, – не в том смысле, что она их бесила, а в том, что они на нее кидались. – Понравилась?

– Сногсшибательная женщина, – признался Кошевой. – А ты что, против?

– Можно подумать, это имеет какое-то значение... Да нет, путь свободен. Только имей в виду, с ней бывает непросто. Очень непросто.

– А просто только с покойниками, – заявил Кошевой. – С живыми всегда сложно. Так как насчет моего предложения?

– Это которого?

– Ты что, забыл? Выходные на природе! У меня там база – лес, озеро, банька, открытое стрельбище... Возьмем что-нибудь посерьезнее, потяжелее – «калаш», М-16, «драгуновку»...

Андрею стало неловко: он действительно забыл о приглашении. Сегодня утром Марта сообщила по телефону, что вопрос о его госпитализации наконец решен и что уже завтра его будут ждать в клинике. По дороге сюда он сделал небольшой крюк, чтобы передать некоему бесцветному субъекту в дорогом костюме пухлый незапечатанный конверт – не первый и даже не второй по счету с того момента, как Марта приступила к выполнению его просьбы. За всей этой оживленной коррупционной деятельностью можно было забыть о чем угодно, вплоть до собственного дня рождения; такая забывчивость представлялась вполне естественной и простительной, непонятно было только, как объяснить ее Кошевому.

– Ничего я не забыл, – непринужденно солгал Андрей. – Просто не знал, как тебе сказать... Надеялся, что ты сам забудешь.

– Ишь, размечтался! Я ведь тебя не одного приглашал. А о перспективе провести пару дней в обществе твоей Марты нормальный мужик забыть просто не в состоянии.

– Насчет Марты не знаю, позвони ей сам, напомни, пригласи еще раз – глядишь, и согласится, про нее никогда не угадаешь, что ей в голову взбредет. А я, извини, пас. Наклонилась срочная командировка. Отказаться я не могу, да и не хочу, уж больно тема интересная, я уже не первый год к ней подбираюсь...

Кошевой воспринял это известие на удивление спокойно.

– Давай за тему, – предложил он, разливая по стопкам остаток коньяка. – Чтобы она всегда была и чтобы ею хотелось заниматься. Потому что главное для человека – хорошая работа. Зачем это нужно – другой вопрос, но так уж странно мы устроены, что без интересного, живого дела жить не умеем. За тему!

– За тему! – сказал Андрей.

Стопки соприкоснулись с коротким металлическим стуком, который казался особенно уместным здесь, в этом пропахшем пороховой гарью подвале, среди мишеней, железных столов и лоснящихся вороненых орудий убийства. Кошевой крикнул, затянулся сигариллой и бросил коротенький окурочек в пустую железную урну.

– А база подождет, – возвращаясь к теме несостоявшегося пикника, сказал он. – Столько лет простояла и еще столько же простоит, и ничего ей не сделается. Тем более что стрельба, как и банька, хороша в любую погоду. У меня, кстати, тоже намечаются кое-какие дела – пока не на все сто процентов, но просили быть наготове, чтобы выехать по первому звонку. Представляешь, уже полгода уламываю одну военкоматскую гниду – там, за МКАДом, – он махнул рукой в произвольном направлении, – продать списанный трофейный МГ-42, который у них без дела на складе ржавеет. Так он ломается, гад! Не в жилу ему, видишь ли, сделку по всем правилам оформлять, потому что бабки тогда мимо его кармана протекут. А на кой ляд мне, спрашивается, пулемет без документов? Что я, главарь бандформирования?

– МГ – это вещь, – с видом знатока объявил Андрей. – Когда купишь, дашь пострелять?

– Будем живы – постреляем, – пообещал Кошевой.

Он выплеснул в рот последние капли коньяка и вдруг, все еще стоя с запрокинутой головой, резким движением выхватил из-под полы куртки свой чудовищный двадцать девятый «смит-вессон». Даже не покосившись в сторону мишеней, он вскинул револьвер и спустил курок. У Андрея зазвенело в ушах от грохота; заглянув в монокуляр, он обнаружил, что у бумажного злодея на мишени появилась аккуратная круглая дырка точно между глаз.

– Ну, ты виртуоз, – сказал он, выпрямляясь. – Просто Паганини!

– Айда наверх, – предложил Кошевой, – пороемся в баре. Что-то мне сегодня... Короче, надо выпить.

– Надо так надо, – с притворным вздохом сказал Андрей.

Кошевой рассмеялся и сделал широкий приглашающий жест в сторону лестницы, что вела из подвала вверх, в шикарную зону отдыха стрелкового клуба «В. Тель & сыновья». Шагая по ступенькам, Андрей подумал, что являться в солидную клинику с похмелья не очень-то удобно, но тут же мысленно махнул рукой: в конце-то концов, человек, ложащийся в стационар, должен хоть от чего-нибудь страдать – если не от опухоли головного мозга, так хотя бы от похмелья!

Глава III. Палата № 307. Хроники стаи

1

Палата была рассчитана на одного человека и смахивала на однокомнатный полулюкс в современном отеле средней руки. Тут было все необходимое для праздного времяпрепровождения, начиная от совмещенного санузла и кончая плоским жидкокристаллическим телевизором на стене напротив кровати. Сама кровать, представлявшая собой довольно сложный механизм, в устройстве и принципе действия которого Андрей пока не разобрался, оказалась настолько удобной, что с нее буквально не хотелось вставать. Из-под кровати, служа напоминанием о том, что здесь все-таки не гостиница, скромно выглядывала пластиковая «утка» – слава богу, чистая и даже, кажется, новенькая, ни разу не бывшая в употреблении. Над кроватью, деликатно отвлекая внимание от торчащего из стены никелированного патрубка подачи кислорода, висела репродукция Левитана. Любуясь ею, Андрей подумал, что выбор автора вряд ли был случайным: психоделическая пачкотня современных мазил при достаточно долгом созерцании способна вызвать головную боль даже у абсолютно здорового человека, не говоря уже о больном, в мозгу которого зреет, увеличиваясь в размерах, злокачественная опухоль.

На раскинувшийся за окном темный больничный парк тихо опускался теплый летний вечер. Щели между матерчатými планками вертикальных жалюзи прямо на глазах наливались густеющей синевою, в левом верхнем углу окна зажглась первая звезда, такая яркая, что ее не затмевало даже набирающее силу электрическое зарево большого города. Андрей открыл холодильник, достал из принесенного Лизой пакета яблоко, рассеянно потер его о рукав пижамы и, подойдя к окну, с хрустом надкусил.

Лиза была на него сердита. Она едва не сошла с ума от беспокойства, когда узнала, что Андрей ложится в больницу; потом без малого умерла от страха, узнав, в какую именно больницу его кладут. Андрею стоило немалых трудов ее успокоить, но, уходя, она все же пребывала в явном сомнении по поводу правдивости его объяснений. Кроме того, у Липского сложилось впечатление, что она побаивается, как бы он не подхватил чего-нибудь от настоящих больных. (Опухоли головного мозга не заразны; это известно всем, в том числе, конечно же, и Лизе, но разве это аргумент для встревоженной женщины?) Ее твердое намерение лично переговорить с главврачом могло создать определенные проблемы: несмотря на размеры взяток, которые Андрей, не скупясь, раздавал направо и налево, его здесь едва терпели. Да оно и немудрено: кому понравится иметь у себя на излечении симулянта, который в придачу ко всему зарабатывает на жизнь, вынюхивая и разбалтывая всему свету чужие секреты? Поэтому, проводив Лизу, Андрей сразу позвонил своему потенциальному пасынку и слезно просил успокоить его мамашу, пока дело не дошло до скандала с позорным выдворением мнимого больного за пределы солидного медицинского учреждения. Выслушав его, Женька насмешливо фыркнул, но пообещал посодействовать, после чего с истинно подростковой бесцеремонностью прервал соединение.

Яблоко имело отчетливый привкус Лизиной тревоги. Кремовые стены и белый больничный потолок ощутимо давили на психику, заставляя усомниться в разумности затеянного мероприятия. Что, в самом деле, он здесь потерял? Стоит ли донимать расспросами безнадежно больного, умирающего человека ради еще одной грязной, вполне банальной для России истории о взятках, переделах собственности, предательстве и вероломстве? Еще, чего доброго, и впрямь заразишься – не опухолью, так депрессией...

Прогнав пораженческие мысли, недостойные члена Союза журналистов России, Андрей выбросил огрызок в мусорную корзину и прислушался. В коридоре царил мертвая тишина:

рабочий день кончился, медицинский персонал разъехался по домам, а дежурный врач удалился в ординаторскую. Ординаторская располагалась в соседнем крыле, по другую сторону примыкающего к лестничной клетке просторного холла, так что о молодом докторе можно было с чистой совестью забыть. Усилив воли заставив себя взбодриться, Андрей вынул из тумбочки и положил в карман пижамы цифровой диктофон: тянуть резину не имело смысла, настало самое время немного повынюхивать и посмотреть, есть ли тут что-нибудь, что стоило бы раззвонить всему свету.

Залитый мертвенным светом люминесцентных ламп коридор был пуст и безжизнен, как обратная сторона Луны. В одном его конце – том, что справа от Андрея, – находилась просторная рекреация, заставленная мягкой мебелью, кадками с тропической зеленью и прочими излишествами, призванными по задумке облегчить страдания здешних пациентов – если не физические, то хотя бы моральные и если не целиком, то хотя бы частично. Там же, ко всему прочему, находился и сестринский пост, по чьей-то странной причуде расположенный таким образом, что дежурная медичка, сидя за своим столом, не могла видеть ничего, кроме вышеописанных мебельно-тропических излишеств и раскинувшегося за окном больничного парка. С той стороны доносилось приглушенное бормотание телевизора, чье-то хриплое покашливание и шарканье подошв – те из ходячих больных, что были более прочих подвержены стадному инстинкту, по старинке наслаждались просмотром очередного телесериала в обществе себе подобных (и, разумеется, дежурной сестры, которая совмещала приятное с полезным, одним глазом наблюдая за перипетиями убогого штампованного сюжета, а другим – за вверенным ее попечению контингентом).

Ситуация на правом фланге Андрея целиком и полностью устраивала, и он сосредоточил свое внимание на левом. Там, в торце длинного белого коридора, находилось широкое окно, подле которого сочно зеленел произрастающий в тяжелой шамотной кадке двухметровый фикус. В тени этого могучего растения расположился удобный офисный стул, на котором, широко расставив ноги в высоких армейских ботинках, откровенно клевал носом такой же, как фикус, длинный и тощий субъект в форме сержанта полиции. Он был в бронежилете и держал на коленях укороченный «Калашников», верх которого белела развернутая газета.

Справа от сержанта, ближе к Андрею и дальше от окна, находилась дверь охраняемой палаты, в которую свободный журналист Липский планировал в ближайшее время просочиться. Поставленный по другую сторону двери стул пустовал, из чего следовало, что с активными действиями надо бы повременить. На пост заступали двое: сержант и прапорщик; прапорщик в данный момент отсутствовал, а вести щекотливые переговоры полагается со старшим по званию – если, конечно, вас интересует результат, а не сам факт общения с представителем власти.

Воспользовавшись вынужденной паузой, Андрей проверил экипировку. Все было на месте и в полной боевой готовности: деньги лежали в нагрудном кармане пижамы, диктофон в левом, а мобильный телефон – в правом, под рукой, как верный кольт. Оставалось только ждать и надеяться, что стрелять из этого колта сегодня не придется.

Вскоре со стороны рекреации послышались тяжелые, неторопливые шаги. Прапорщик появился в поле зрения Андрея, неся в руках пластиковую бутылку кока-колы и два ярко-желтых пакета с чипсами. Эта неуставная поклажа подтвердила предположение Липского, смекнувшего, что надолго отлучиться с поста прапорщик не мог и отправился если не в сортир, то почти наверняка к установленным в холле около лестницы торговым автоматам.

Когда доблестный страж порядка приблизился, Андрей шагнул ему навстречу.

– Одну минутку, командир, – сказал он, старательно балансируя на тонкой грани между заискиванием и панибратством, которую чувствовал под собой всякий раз, когда был вынужден разговаривать с нижними чинами полиции. – Можно один вопрос?

Прапорщик остановился, с солидной неторопливостью переложил все свои покупки в левую руку, а освободившуюся правую весьма красноречиво опустил на казенник висевшего на плече дулом вниз автомата.

– Ну? – неласково спросил он, покончив с этой подготовительной процедурой.

– Есть одно дельце, – сказал Андрей и, стараясь быть предельно лаконичным и внятным, дабы не перегружать оперативную память собеседника, изложил суть своей просьбы.

– Вы что, больной? – выслушав его, холодно осведомился прапорщик.

– Официально – да, – сказал Андрей. – Можете спросить у медсестры историю болезни и ознакомиться.

Последняя фраза явно была лишней, Андрей понял это по тому, как неприязненно поджались губы прапорщика. Недалекие люди, особенно те, что облечены какой-никакой властью, не любят ерничества и зубоскальства: им кажется, причем сплошь и рядом не без оснований, что смеются над ними.

– Не положено, – разом расставив точки над «и» и утвердив свой высокий авторитет полномочного представителя законной власти, объявил прапорщик.

– Еще один момент, – пресек его попытку продолжить путь Липский. – Видите ли, я заранее согласовал этот вопрос лично с генералом Луговым. Поэтому у нас с вами сейчас есть две возможности. Мы можем позвонить Александру Ивановичу и попросить его уладить это маленькое недоразумение. Конечно, время позднее, нерабочее, и мой звонок его вряд ли обрадует... – Он сделал многозначительную паузу, давая собеседнику возможность во всех подробностях представить телефонный разговор с оторванным от ужина (а может быть, и от просмотра того же сериала, которым в данный момент наслаждались пациенты отделения) генерал-майором МВД Луговым. – Но, если вы настаиваете, я позвоню.

В доказательство своей готовности потревожить высокое полицейское начальство он вынул из кармана пижамы телефон. Номер генерала действительно значился в памяти аппарата, но это был единственный островок правды в озере беспардонного вранья: никаких вопросов Андрей с Луговым не согласовывал, за него это делала Марта, и даже ей было в предельно доступной форме дано понять, что дружба дружбой, а служба службой: «Я такой приказ отдать не могу, потому что дорожу погонями, а ваш щелкопер, если ему так приспичило, пусть выкручивается, как умеет».

Следуя этому не сказать чтобы доброму, но, без сомнения, разумному совету, Андрей вертелся как уж на сковородке, беря собеседника, что называется, на голый понт. Избранная им тактика дала желаемый результат: прапорщик откровенно замялся, переступил, шурша пакетами, с ноги на ногу и, демонстрируя прискорбное сочетание бедности словарного запаса с нежеланием напрягать извилины, вопросительно повторил:

– Ну?

Скудость лексикона он компенсировал богатством интонаций: на этот раз произнесенное им междометие прозвучало без прежнего агрессивного превосходства. При желании его можно было перевести примерно следующим образом: «Вариант номер один меня не устраивает, хотелось бы ознакомиться с вариантом номер два. Не будете ли вы так любезны коротко изложить, в чем, собственно, заключается его суть?»

«Охотно», – чуть было не ляпнул Андрей, но вовремя спохватился и, вынырнув из мира грез, произнес универсальный пароль:

– Может, сами как-нибудь договоримся?

Его правая рука продолжала держать на виду заряженный генеральским номером мобильно-ковбойский кольт на микросхемах, а левая, непринужденно нырнув в нагрудный кармашек пижамы, вернулась оттуда с зажатой между указательным и средним пальцами купюрой. Денег было не то чтобы много, но и не мало, а, по мнению Андрея, в самый раз – пять тысяч, как одна копейка.

– Так бы сразу и сказали, – добрея прямо на глазах, проворчал прапорщик.

Он сделал шаг вперед к Андрею, одновременно повернувшись к нему боком, и Липский, не придумав ничего лучшего, сунул деньги за пройму его бронежилета.

– Только недолго, – сказал прапорщик. – И без фокусов. Телефон оставьте в палате, это нельзя...

«Можно, но за отдельную плату», – мысленно перевел Андрей.

– Какие фокусы, – сказал он вслух, – мы же взрослые люди! Если хотите, можете меня обыскать.

– А как же без этого? – слегка его огорошив, сказал прапорщик. – Дело-то нешутейное... Там у вас что?

– Где? А, тут... Это диктофон.

– Придется оставить. Диктофон – это тоже нельзя.

– Да как же! – воскликнул Андрей. – А вдруг он скажет что-нибудь важное для следствия? А потом откажется... Без диктофона будет мое слово против его, а с записью не поспоришь.

– Вот, – снова преисполняясь осознания важности доверенной ему миссии, сказал прапорщик. – Он скажет, а вы в газете напечатаете. Хорошо это будет?

– Да кто нынче верит газетам! – поспешил укрепить свое пошатнувшееся положение Андрей.

– А зачем писать то, чему никто не верит?

Вопросец был не в бровь, а в глаз. Впрочем, в искусстве словоблудия прапорщику с Андреем Липским было не тягаться.

– А жить на что?

– Ладно, идемте, – сказал прапорщик, с завидным благоразумием воздержавшись от разглагольствований по поводу нехватки рабочих рук на стройках и промышленных предприятиях страны. Все-таки под его форменным кепи хранилось некоторое количество серого вещества, и он сообразил, что упрекать собеседника в тунеядстве с его стороны было бы, мягко говоря, некорректно.

Приблизившись к двери охраняемой палаты, он кивнул сержанту, который при виде постороннего подобрался и положил ладонь на рукоятку автомата, а затем, едва заметно – Андрею. При этом он с завидной ловкостью и непринужденностью, говорившими о немалом опыте, одним небрежным движением словно бы невзначай оказался между Липским и своим напарником, полностью загородив от последнего дверь палаты своей внушительной фигурой.

Резонно рассудив, что приглашения в словесной форме лучше не дожидаться, Андрей тихонько приоткрыл дверь и со странным чувством падения, которое испытывал всякий раз, когда находился там, куда его не приглашали, перешагнул дверь палаты номер триста семь.

2

В триста седьмой царил уютный полусвет, распространяемый горевшим на тумбочке ночником под матерчатым абажуром. Если приглядеться, палата представляла собой зеркальное отображение той, которую занимал Липский, но заметить это с первого взгляда мешала загромождавшая ее сложная медицинская электроника. В данный момент аппаратура была обесточена, из чего следовало, что непосредственная угроза жизни пациента миновала. Что это за аппаратура и каково ее назначение, Липский не стал даже гадать. Слепое серое бельмо компьютерного монитора его не удивило, а вот лежащие наготове гладкие металлические пластины дефибриллятора с тянущимися от них завитыми в спираль проводами слегка озадачили: он как-то не предполагал, что это последнее средство спасения жизни применяют при лечении опухолей мозга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.